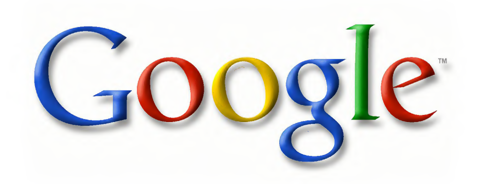
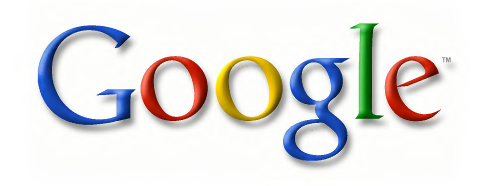

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCLXXXVII.

1893.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.
1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 1-го мая).

О МАЛАРІИ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ.

Всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что болѣзнь, которая почти вездѣ обозначается ея италіанскимъ названіемъ Mal'aria (или Aria cattiva) собственно значащимъ „дурной, то-есть вредный воздухъ", и которая выражается то въ непрерывной, то въ перемежающейся лихорадкѣ болѣе или менѣе тягостнаго, а часто даже опаснаго характера, встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта, а въ Европѣ почти во всѣхъ ея странахъ [1]), и нерѣдко является и водворяется въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ея прежде совсѣмъ не было [2]). Къ числу тѣхъ европейскихъ странъ, которыя наиболѣе страдаютъ отъ этой болѣзни, принадлежитъ Италія, въ особенности нѣкоторыя изъ ея областей или мѣстностей, а именно равнина рѣки По, весь западный берегъ полуострова, начиная съ устья Арно до римской Кампаньи съ ея центромъ, Римомъ, и дальше почти сплошь до южнаго конца Калабріи; кромѣ того, еще нѣкоторые пункты на адріатическомъ берегу, а наконецъ вся Сардинія, Корсика и Сицилія [3]).

Что касается Рима и его окрестностей, такъ-называемой Campagna di Roma, то извѣстно, какую громадную роль въ судьбахъ этой мѣстности играла и играетъ еще теперь маларія. Сотни сочиненій написаны по поводу того, какое распространеніе и какой характеръ эта болѣзнь имѣетъ тамъ и имѣла уже въ средніе вѣка. Скорбные стихи, которыми жившій въ XI столѣтіи святой Даміанъ описалъ климатически-гигіеническое состояніе Рима, восклицая, что

---

[1]) См. Hirsch, Handb. der histor.-geogr. Pathologie, I² (1881), стр. 140—161.
[2]) Ibid. p. 163 sqq.
[3]) Ibid. p. 150 sq.

„Римъ пожирая людей, покоряетъ ихъ гордыя выи.
Римъ лихорадкой богатъ и плодами безжалостной смерти.
Римъ, лихорадки тебѣ вѣрны всегда въ прочномъ союзѣ? [1] “.

—эти стихи сохранили свою силу въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и могутъ считаться справедливыми и по отношенію къ современному состоянію многихъ мѣстностей Рима и римской Кампаньи.

Если мы теперь спросимъ о причинѣ происхожденія этой римской лихорадки или маларіи, то увидимъ, что до недавняго времени спеціалисты и неспеціалисты, занимавшіеся этимъ вопросомъ въ особенности въ Италіи въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій, рѣшали его столь различнымъ образомъ, что установить хоть нѣкоторый порядокъ въ хаосѣ всѣхъ высказанныхъ ими по этому поводу мнѣній возможно теперь только путемъ классифицированія этихъ мнѣній и раздѣленія ихъ на главныя группы [2]). Такъ, напримѣръ, причина происхожденія римской маларіи усматривалась:

1) въ испареніяхъ болотъ и вообще сырыхъ мѣстъ, гдѣ происходитъ гніеніе растеній и другихъ организмовъ;

2) въ газовыхъ испареніяхъ химическихъ веществъ, находящихся въ землѣ, въ особенности сѣрноводорода, углекислоты и аммоніака;

3) въ испареніяхъ прѣсной воды, смѣшанной съ соленой морской;

4) въ сильныхъ колебаніяхъ температуры, бывающихъ въ особенности лѣтомъ;

5) въ южныхъ вѣтрахъ, отличающихся влажнымъ и жаркимъ характеромъ и будто бы приносящихъ съ собою зачатки маларіи изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ краевъ, напримѣръ съ Помптинскихъ болотъ или съ пустыни Сахары;

6) въ недостаточномъ населеніи и обрабатываніи римской Кампаньи;

7) въ не-гигіеническомъ образѣ жизни обитателей и, въ особенности, въ ношеніи ими холстяныхъ или бумажныхъ матерій, вмѣсто шерстяныхъ.

---

[1]) Petri Damiani Opera (ed. Cajetanus, 1783), IV, 46:
Roma, vorax hominum, domat ardua colla virorum.
Roma. ferax febrium, necis est uberrima frugum.
Romanae febres stabili sunt iure fideles.

[2]) Такія классификаціи были сдѣланы, напримѣръ, слѣдующими писателями: A. Galli, Cenni econom.-statistici sullo Stato Pontificio (Roma, 1840), p. 489—499; Cl. Micara, Della Campagna Romana e del suo risanamento, 3 ediz. (Faenza 1854), I, 26—46; Nobili-Vitelleschi въ Atti della Giunta per la Inchiesta agraria, vol. IX, fasc. I (Roma 1883), p. 67 sq.

Поверхностность и неосновательность какъ этихъ, такъ и другихъ еще болѣе субъективныхъ и гипотетическихъ мнѣній о причинѣ происхожденія римской маларіи въ новѣйшее время блистательно были доказаны цѣлымъ рядомъ выдающихся ученыхъ, которые впервые поставили интересующій насъ вопросъ на научную почву и послѣ многолѣтнихъ изслѣдованій, предпринятыхъ съ помощью микроскопа и путемъ точныхъ опытовъ, пришли къ убѣжденію, что этіологію маларіи должно искать въ какихъ-то микроорганизмахъ-паразитахъ, которые откуда-то и какимъ-то образомъ проникаютъ въ человѣческую кровь и, развиваясь здѣсь, вызываютъ различные лихорадочные пароксизмы.

Одни изъ первыхъ представителей этой „паразитарной" теоріи, извѣстные римскіе ученые Klebs и Tommasi-Crudeli, изложили свое мнѣніе о происхожденіи маларіи въ слѣдующихъ основныхъ положеніяхъ [1]:

Причиною происхожденія маларіи являются находящіеся въ землѣ всѣхъ маларійныхъ мѣстностей зародыши (или споры) одного паразитнаго микроорганизма изъ растительнаго царства, такъ-называемаго bacillus malariae, которые весьма быстро развиваются, размножаются и проникаютъ въ атмосферу (а оттуда въ человѣческій организмъ), если одновременно имѣются на лицо слѣдующія три условія:

1) теплая температура, достигающая по крайней мѣрѣ 20 градусовъ (по Цельсію),

2) непосредственное дѣйствіе кислорода воздуха на тѣ слои земли, которые содержатъ упомянутыя болѣзнетворныя споры,

3) умѣренная и постоянная сырость этихъ слоевъ земли.

При отсутствіи хоть одного изъ этихъ трехъ условій, споры маларійныхъ бациллъ не развиваются, а остаются скрытыми въ землѣ, живя, такъ сказать, въ состояніи инерціи и не причиняя никакого вреда.

Въ полномъ согласіи съ только что приведенными положеніями находятся слѣдующіе факты, провѣренные долголѣтнимъ опытомъ:

[1]) Klebs e Tommasi-Crudeli: Studi sulla natura della malaria въ Atti d. R Accad. dei Lincei. Serie terza. Memorie d. cl. di scienze fis., mat. e natur vol. IV (Roma 1879), p. 172—235 (съ 5-ю табл.); Tommasi-Crudeli: Sulla distribuzione delle acque nel sottosuolo dell' agro romano e della sua influenza nella produzione di malaria. Тамъ-же, vol. III, p. 183—198 (съ 6 табл.) и vol. V p. 350—374 (съ 3 табл.); Его же: Studi sul bonificamento dell' agro romano, тамъ же, vol. X, p. 1—24 (съ 3 табл.), и отдѣльное сочиненіе Il clima di Roma (Roma 1886), въ особенности стр. 53—73.

1) Маларія въ Римѣ почти совсѣмъ прекращается зимою, потому что въ эту пору года температура обыкновенно стоитъ ниже 20 градусовъ и только изрѣдка, подъ вліяніемъ жаркаго широкко (то-есть юго-восточнаго вѣтра), поднимается до требуемой высоты.

2) Внутри городскихъ стѣнъ Рима маларія не развивается въ тѣхъ мѣстахъ, которыя вымощены и застроены. За то она свирѣпствуетъ почти всюду, гдѣ находятся сады и виноградники. Даже въ здоровыхъ частяхъ города она можетъ внезапно появляться, когда въ нихъ производятся земляныя работы, каковы: перемощеніе улицъ, проведеніе газовыхъ или водосточныхъ трубъ и т. п.

3) Наибольшее развитіе маларіи происходитъ осенью, въ особенности въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда послѣ жаркаго и большею частью сухаго лѣта перепадаютъ первые осенніе дожди.

Человѣкъ тѣмъ болѣе или менѣе предрасположенъ принимать въ себя маларійныя бациллы, чѣмъ слабѣе или сильнѣе его организмъ вообще, и чѣмъ менѣе или болѣе онъ, вслѣдствіе этого, способенъ оказывать сопротивленіе болѣзнетворному дѣйствію упомянутыхъ бациллъ. Эта способность всегда уменьшается при сильныхъ колебаніяхъ внѣшней и внутренней температуры, каковыя бываютъ въ особенности утромъ и вечеромъ, при восходѣ и закатѣ солнца. Грозящая человѣку въ эти часы дня опасность увеличивается еще тѣмъ что преобладающія тогда вертикальныя теченія воздуха несутъ съ собою вверхъ наибольшее количество бациллъ.

Борьба человѣка съ маларіей можетъ быть направлена или противъ самой болѣзни, или, что гораздо важнѣе, но и труднѣе, противъ причины происхожденія ея. Въ первомъ случаѣ ему помогаютъ, съ одной стороны, правильный образъ жизни, согласный съ общими требованіями гигіены, а съ другой, разныя специфическія средства, открытыя въ новѣйшее время, между которыми первое мѣсто занимаютъ хинная соль и мышьякъ. Во второмъ случаѣ человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы по возможности удалить то или другое изъ вышеупомянутыхъ трехъ условій развитія маларійныхъ бациллъ. Наиболѣе полезными, хотя всегда только палліативными, средствами для достиженія этого представляются пока слѣдующія:

1) вымащиваніе и застраиваніе обитаемыхъ людьми мѣстъ,

2) осушка болотъ и вообще всѣхъ мѣстъ, покрытыхъ стоячими водами,

3) подпочвенный дренажъ.

Таковы въ кратцѣ главнѣйшія положенія выработанной въ 1879

году Klebs'омъ и Tommasi-Crudeli новой теоріи о причинѣ происхожденія маларіи и о представляющихся въ наше время способахъ борьбы съ нею.

Какъ ни заманчива, однако, эта теорія, и какъ многое ни говоритъ въ пользу ея, тѣмъ не менѣе утвержденіе Klebs'а и Томмази-Круделли о томъ, что „bacilli malariae", найденные ими, а также другими изслѣдованіями, какъ Маркіафава, Кубони, Ланци, Терриджи и Скіавуцци [1]), не только въ почвѣ, но и въ воздухѣ и въ болотной водѣ маларійныхъ мѣстностей, являются причиною перемежающихся лихорадокъ, не можетъ считаться вполнѣ доказаннымъ. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ еще не были наблюдены достовѣрные случаи нахожденія этихъ бациллъ въ крови больныхъ маларіею, а сдѣланные Скіавуцци опыты прививанія кроликамъ культивированныхъ bacilli malariae, послѣ которыхъ эти животныя заболѣвали лихорадочными пароксизмами, а селезенки ихъ оказывались увеличившимися, и кровяные шарики измѣненными подобно тому, какъ измѣнены кровяные шарики всѣхъ больныхъ маларіею людей, эти опыты, говорю я, не были еще подтверждены другими изслѣдователями. Большинство теперешнихъ медиковъ, поэтому, уже не держится теоріи Klebs'а и Tommasi-Crudeli, а приняло другую, согласно которой причиною маларіи являются особые чужеядные микроорганизмы изъ животнаго царства, которые въ 1880 г. французскому ученому Лаверану [2]) удалось открыть въ красныхъ кровяныхъ шарикахъ больныхъ маларіею, и которые послѣдовавшими за нимъ изслѣдователями, въ особенности Маркіафавою, Челли, Гольджи, Councilman'омъ и Мечниковымъ [3]), были причислены къ protozoa или mycetozoa и прозваны ими Plasmodia malariae. Согласно различнымъ ступенямъ своего развитія въ крови больныхъ маларіею людей, эти плазмодіи принимаютъ различ-

[1]) Marchiafava e Cuboni, Nuovi studi sulla natura della Malaria, въ Atti dell'Accad. dei Lincei; classe di scienze fis., mat. e natur. Serie 3-a. Seduta del 2 Gennaio 1881.—Lanzi e Terrigi, Il miasma vegetale o malaria ed il clima di Roma. Memoria letta all'Accademia Medica di Roma il 24 maggio 1876.—Schiavuzzi въ Rend. della Reale Accad. dei Lincei, 5 Decembre 1886.

[2]) Laveran: Traité des fièvres palustres, avec la description des microbes du paludisme (Paris 1884).

[3]) Работы этихъ ученыхъ мнѣ извѣстны только изъ сочиненій Fraenkel'я Grundriss der Bakterienkunde (Berlin 1890), стр. 407 и сл.. Uffelmann'а Handb. der Hygiene (Wien u Lpz. 1890), p. 624 sqq. и изъ спеціальныхъ изслѣдованій о маларіи Scheloug'а, Die Malaria-Krankheiten (Berl. 1890), p. 105 sqq. и Pepper'а, De la Malaria (Paris 1891), p. 276 sqq.

ныя формы, имѣющія, по видимому, прямое отношеніе къ отдѣльнымъ фазисамъ болѣзни, а можетъ быть, даже раздѣляются на двѣ морфологически различныя породы, являющіяся причиною различныхъ формъ болѣзни, какъ febris tertiana и febris quartana. Какъ эти обстоятельства, такъ и тѣ факты, что во 1) plasmodia malariae являются единственными микроорганизмами, которые до сихъ поръ достовѣрно удалось найти въ крови больныхъ маларіею, что во 2) они всегда были найдены въ крови этихъ больныхъ, а никогда не были найдены въ крови больныхъ другими болѣзнями, что въ 3) прививаніемъ крови больныхъ маларіею можно заразить этой болѣзнью совершенно здоровыхъ дотолѣ людей, и что, наконецъ, въ 4) plasmodia malariae, послѣ ихъ усыханія (въ препаратахъ), могутъ быть унесены вмѣстѣ съ пылью воздуха и при этомъ все-таки не лишаются своей жизненности—всѣ эти факты, удостовѣренные многочисленными опытами и изслѣдованіями, говорятъ въ пользу того мнѣнія, что упомянутые микроорганизмы изъ животнаго царства являются причиною маларійной болѣзни. При этомъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что до сихъ поръ еще не удалось достовѣрнымъ образомъ опредѣлить, гдѣ и при какихъ условіяхъ plasmodia malariae находятся и развиваются *внѣ* человѣческаго организма, и какимъ образомъ они проникаютъ въ человѣческую кровь. Въ виду этого я не могу не согласиться съ мнѣніемъ одного изъ самыхъ выдающихся гигіенистовъ нашего времени, профессора Уффельмана, полагающаго [1]), что вопросъ о томъ, какая изъ выше изложенныхъ двухъ паразитарныхъ теорій о происхожденіи маларіи, теорія ли Klebs'а и Tommasi-Crudeli, или теорія Лаверана, вѣрна, пока еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ.

Принимая въ соображеніе эти новѣйшія теоріи объ этіологіи маларіи [2]) и имѣя притомъ въ виду тотъ фактъ, что маларійныя ба-

---

[1]) Uffelmann, l. c. p. 624.

[2]) Совершенно особаго мнѣнія о происхожденіи маларіи держится нашъ соотечественникъ докторъ Николай Вендтъ, состоящій теперь врачемъ при Россійской миссіи въ Пекинѣ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ прежде въ Римѣ, г. Вендтъ самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовалъ римскую маларію и послѣ долгихъ поисковъ причинъ этой болѣзни пришелъ къ предположеніямъ, которыя интересны уже потому, что идутъ въ разрѣзъ съ общепринятой теперь паразитарной теоріею о происхожденіи маларіи. Къ сожалѣнію, богатый матеріалъ наблюденій, собранный г. Вендтомъ при его изученіи римскихъ лихорадокъ, не былъ еще обнародованъ имъ, и только въ краткомъ письмѣ, которое

лѣзни или вызывающіе ихъ болѣзнетворные организмы, то есть или bacilli malariae или такъ называемая plasmodia malariae, наиболѣе развиваются при извѣстной влажности земли и при извѣстной высотѣ температуры воздуха, а также нерѣдко появляются и водворяются

онъ имѣлъ любезность написать мнѣ, и которое цѣликомъ приводится мною ниже, онъ успѣлъ изложить суть своей теоріи о маларіи. Вотъ что онъ пишетъ: „Портъ-Саидъ, 29 іюня (11 іюля) 1891 г. Многоуважаемый Оскаръ Өедоровичъ, Вы спрашивали меня въ Римѣ, какое мое личное мнѣніе о маларіи. За неимѣніемъ времени я обѣщался написать съ дороги. Уже первые мои поиски причинъ перемежающихся лихорадокъ привели меня къ предположенію о связи заболѣванія этими лихорадками съ влажностью воздуха и притомъ влажностью абсолютною, а не относительною. Наблюдая первоначально лишь относительную влажность, я не мало удивился, найдя ее въ Понтинскихъ болотахъ до крайности малою: 11—8%, и въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ, проведя лишь ночь, заболѣвали маларіей. Когда же я обратился къ психометру Августа, чтобы измѣрять абсолютную влажность, я нашелъ ее громадною. Повторяя свои изслѣдованія въ самомъ Римѣ, въ домахъ завѣдомо маларійныхъ, я и тамъ находилъ высокую абсолютную влажность, тогда какъ она была низка въ домахъ, гдѣ перемежающаяся лихорадка была неизвѣстна. Современное направленіе медицины — отыскивать причины какъ заразныхъ, такъ и міоматическихъ болѣзней въ низшихъ организмахъ. Клебсъ и Томмази-Крудели быстро нашли такой организмъ для заболѣванія перемежающейся лихорадкой въ растительномъ царствѣ и назвали его bacillus malariae; но такъ же быстро и пала ихъ теорія, какъ только Лаверану удалось подмѣтить въ красныхъ кровяныхъ шарикахъ больныхъ маларіею особое чужеядное существо, причисленное послѣдующими изслѣдователями къ protozoa. До сихъ поръ не удалось однако найти, какимъ путемъ внѣдряются эти паразиты въ кровь человѣка, а также не нашли ихъ ни въ воздухѣ, ни въ водѣ, ни въ почвѣ маларійныхъ мѣстностей. Я лично не могу признать ихъ причиною перемежающихся лихорадокъ, потому что количество ихъ, находимое въ крови больныхъ, не соотвѣтствуетъ ни силѣ, ни формѣ заболѣванія. Такъ я наблюдалъ въ Римѣ случаи злокачественной лихорадки (perniciosa cholerica, apoplectica), гдѣ Маркіафава и Челли не находили въ крови ни при жизни, ни по смерти ни одного паразита, тогда какъ въ иныхъ болѣе легкихъ формахъ (quotidiana, tertiana) паразиты были находимы во множествѣ въ каждой изслѣдуемой каплѣ крови. Я полагаю, что они развиваются въ человѣческомъ организмѣ, когда истинныя причины, вызавшія перемежающуюся лихорадку, имѣли уже время такъ измѣнить составъ крови, что она не противодѣйствуетъ болѣе ихъ развитію. Въ чемъ состоитъ это патологическое измѣненіе крови — вопросъ еще открытый. Я склоняюсь къ предположенію, что подъ вліяніемъ причинъ перемежающейся лихорадки задерживается или измѣняется физіологическое отправленіе *кожи*, и притомъ кожа или не выдѣляетъ изъ тѣла нормально выдѣляемыхъ ею продуктовъ, которые снова воспринимаются кровью и патологически измѣняютъ ее, — или же кожа не вырабатываетъ веществъ, которые примѣшиваясь къ крови, обусловливаютъ нормальный ея составъ. Про нѣкоторые органы, напримѣръ янчки, щитовидную железу, уже извѣстно,

въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ прежде совсѣмъ не было, мы не можемъ не заинтересоваться вопросомъ, существовала ли маларія также въ древнемъ Римѣ, и если да, то въ какой степени она была развита и распространена тамъ, и какія мѣры принимались тогда для ея ослабленія.

какое вліяніе имѣетъ ихъ физіологическое отправленіе на жизнь организма. Наблюденіе итальянскихъ простолюдиновъ, что внезапная остановка испарины вызываетъ перемежающуюся лихорадку, и мои психометрическія изслѣдованія въ малярійныхъ мѣстностяхъ привели меня къ убѣжденію, что чѣмъ обильнѣе воздухъ абсолютною влажностью, тѣмъ труднѣе совершается процессъ выдѣленія кожею извергаемыхъ ею продуктовъ, и если притокъ крови къ кожѣ по какой либо причинѣ (ослабѣвшей дѣятельности сердца, усиленнаго прилива крови къ внутреннимъ органамъ, внезапнаго охлажденія тѣла и т. п.) уменьшился, то подъ вліяніемъ внѣшняго давленія влажности внутреннее давленіе въ кровяныхъ сосудахъ кожи становится недостаточно сильнымъ для выдѣляющей дѣятельности кожи. Я встрѣчалъ въ Понтинскихъ болотахъ интеллигентныхъ больныхъ, которые сами замѣчали остановку дѣятельности кожи и, чтобы предупредить пароксизмъ лихорадки, вызывали испарину бѣганьемъ или обильнымъ питьемъ горячаго кофе. Цѣлительная сила мышьяка, въ особенности въ хроническихъ случаяхъ заболѣванія маляріей, когда малѣйшая причина уже способна вызвать лихорадочный пароксизмъ, укрѣпляетъ мое мнѣніе въ главномъ участіи при этомъ кожи, такъ какъ мышьякъ самое дѣйствительное средство въ такихъ именно накожныхъ болѣзняхъ (psoriasis и др.), гдѣ испареніе доходитъ до minimum'a.

Что касается до вліянія влажности воздуха на заболѣваніе ревматизмами, то участіе кожи врядъ-ли можетъ быть подвержено сомнѣнію. Извѣстно также, что ревматизмъ получается преимущественно въ сырыхъ и холодныхъ мѣстностяхъ, а перемежающаяся лихорадка въ сырыхъ и теплыхъ. Сродство ревматизма съ маларіею для меня несомнѣнно, да и сами римскіе врачи, не обинуясь, даютъ легкимъ случаямъ перемежающейся лихорадки названіе ревматической и съ успѣхомъ лечатъ ее салициловымъ натромъ вмѣсто хинина. Разъ заболѣвшій ревматизмомъ заболѣваетъ имъ впослѣдствіи съ большею легкостью, совершенно какъ при перемежающейся лихорадкѣ. Изслѣдованія въ психометрическомъ направленіи покажутъ разницу въ условіяхъ заболѣванія той или другой изъ этихъ болѣзней, но покуда вопросъ еще не затронутъ, а мои начинанія въ обходъ господствующей паразитарной теоріи не нашли сочувствія въ Германіи, гдѣ я, было, думалъ напечатать мои наблюденія, сдѣланныя надъ маларіею въ Римѣ. Предоставляя Вамъ право распорядиться моими строками по Вашему благоусмотрѣнію, съ чувствомъ глубочайшаго уваженія остаюсь Вашъ... Николай Вендтъ". Не будучи самъ медикомъ и не зная, притомъ, подробностей тѣхъ наблюденій, результаты которыхъ привели доктора Вендта къ вышеизложенной теоріи о происхожденіи маларіи, я, конечно, не берусь судить, насколько эта теорія можетъ считаться правдоподобной или неправдоподобной. Крайне желательно, чтобы почтенный докторъ какъ можно скорѣе исполнилъ свое давнишнее намѣреніе и данное мнѣ обѣщаніе, напечатать весь собранный имъ матеріалъ наблюденій

Вопросъ этотъ не разъ былъ поднимаемъ въ новѣйшей наукѣ. Начиная съ извѣстнаго врача конца 16-го вѣка, Marsilio Cagnati, [1]) примѣру котораго послѣдовалъ лейбъ-медикъ папы Климента XI, Ланчизи, [2]) многіе ученые [3]) касались этого вопроса, но всегда только вскользь, и ни одинъ изъ нихъ не давалъ себѣ труда собрать и критически оцѣнить всѣ тѣ свидѣтельства древнихъ писателей, которыя имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ этому вопросу, и съ помощью которыхъ только и можно рѣшить его опредѣленнымъ образомъ. Такимъ небрежнымъ отношеніемъ къ дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ самихъ древнихъ и объясняется то, что относительно рѣшенія нашего вопроса до сихъ поръ, въ особенности въ итальянской литературѣ, царитъ довольно большая субъективность и запутанность взглядовъ. Одни ученые признаютъ, другіе же отрицаютъ существованіе маларіи въ древнемъ Римѣ, а нѣкоторые полагаютъ, что она тамъ начала развиваться только съ первыхъ временъ имперіи. Матеріалъ, доставляемый намъ древними писателями для рѣшенія этого вопроса и собранный мною, какъ я надѣюсь, въ полномъ видѣ, покажетъ, насколько правы или неправы вышеупомянутые ученые.

Я начну свой обзоръ съ императорскихъ временъ.

ній надъ римскою маларіею, и чтобы также другіе медики изслѣдовали причины перемежающихся лихорадокъ въ связи съ психометрическими наблюденіями, дѣлая эти послѣднія не только въ Римѣ, но и во всѣхъ другихъ маларійныхъ мѣстностяхъ. А пока, паразитарная теорія о происхожденіи маларіи, въ особенности теорія Лаверана и его послѣдователей, должна считаться единственной теоріей относительно интересующаго насъ вопроса, которая, будучи обоснована на цѣлой массѣ весьма вѣскихъ и убѣдительныхъ данныхъ, заслуживаетъ серіознаго вниманія.

[1]) Ср. его сочиненіе De Romani aeris salubritate (Romae 1599), въ которомъ климатъ Рима прославляется какъ весьма здоровый.

[2]) Ср. его сочиненія De nativis atque adventiciis Romani coeli qualitatibus etc. (Roma 1711) и De noxiis paludum effluviis eorumque remediis (Roma 1717). И по мнѣнію Ланчизи, климатъ Рима самъ по себѣ здоровый, и только временами на него дурно вліяютъ испаренія болотъ окрестностей (въ особенности Понтинскихъ болотъ), доносимыя вѣтрами до города.

[3]) Указать здѣсь всѣ сочиненія и брошюры (преимущественно итальянскія), въ которыхъ болѣе или менѣе вскользь затрогивается вопросъ о существованіи уже въ древнемъ Римѣ маларіи, нѣтъ никакой возможности и надобности, въ виду громаднаго количества и ненаучнаго характера ихъ. Сравнительно наиболѣе обстоятельно и разумно трактовалъ объ этомъ вопросѣ De Matthaeis въ своей диссертаціи Sul culto reso dagli antichi Romani alla dea Febbre, напечатанной въ Atti dell'Accad. rom. d'arch. I (1821), 1, стр. 443—468.

Осенью приблизительно 731 г. отъ основанія Рима (то есть 23 г. до р. Хр.) поэтъ Горацій, находившійся тогда въ своемъ маленькомъ сабинскомъ помѣстьи, послалъ своему покровителю и другу Меценату въ Римъ письмо, въ началѣ котораго онъ говоритъ;

„Я обѣщался пять дней лишь въ деревнѣ пробыть, а весь августъ
Ты меня обманщика ждешь. Но если ты хочешь,
Чтобы я жилъ безболѣзненъ и совершенно здоровый,
То, какъ даешь ты больному, и полному страхомъ болѣзни
Отпускъ мнѣ дай, Меценатъ, на время, какъ первая смоква
И жара посылаетъ могильщику ликторовъ черныхъ,
Какъ родители всѣ за своихъ ребятишекъ блѣднѣютъ,
Какъ суета хлопотливая и заботы на рынкѣ
Всѣмъ лихорадки приводятъ и завѣщанья вскрываютъ" [1]).

Изъ этихъ словъ Горація мы узнаемъ, что поэтъ, заболѣвши въ Римѣ въ августѣ мѣсяцѣ, для излѣченія поѣхалъ въ свое помѣстье, находившееся въ сабинскихъ горахъ, приблизительно въ 10 миляхъ отъ Тибура (нынѣшняго Тиволи), пробылъ тамъ весь августъ мѣсяцъ и не хотѣлъ вернуться въ Римъ даже тогда, когда Меценатъ пригласилъ его поскорѣе пріѣхать къ нему. Причина, заставившая Горація отказаться отъ этого приглашенія, была его боязнь лихорадки, которой, по видимому, онъ недавно заболѣлъ въ Римѣ, и которая тамъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того года, не менѣе сильно, а можетъ быть даже еще сильнѣе свирѣпствовала, чѣмъ въ августѣ, унося съ собою много человѣческихъ жертвъ, въ особенности дѣтей.—Эта свирѣпствовавшая тогда въ городѣ лихорадка имѣла, однако, не только ха-

[1]) Horat. Epist. I, 7, 1—9:

Quinque dies tibi pollicitus me rure futurum
Sextilem totum mendax desideror. Atqui
Si me vivere vis sanum recteque valentem,
Quam mihi das aegro, dabis aegrotare timenti,
Maecenas, veniam, dum ficus prima calorque
Dissignatorem decorat lictoribus atris,
Dum pueris omnis pater et matercula pallet,
Officiosaque sedulitas et opella forensis
Adducit febres et testamenta resignat.

Всѣ толкователи этого посланія относятъ его, также какъ и Epist. I 15, къ 731 году или къ одному изъ первыхъ слѣдовавшихъ за нимъ. годовъ. Кассій Діонъ (LIII, 33, 4 и LIV, 1, 2) разказываетъ, что въ 731 и 732 гг. въ Римѣ (а также въ другихъ мѣстахъ Италіи) свирѣпствовала эпидемія. Сопоставляя это свидѣтельство со словами Горація, я не могу не прійти къ предположенію, что, можетъ быть, упомянутая Кассіемъ Діономъ эпидемія была эпидемія маларіи. Но объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

рактеръ случайной и лишь изрѣдка появлявшейся въ немъ эпидеміи, но была также эндемическою болѣзнью, которая тамъ постоянно господствовала, обнаруживаясь, по какимъ-то причинамъ, то съ большей, то съ меньшей силою, но никогда не прекращаясь вполнѣ. Подтвержденіемъ этому служатъ довольно многочисленныя свидѣтельства древнихъ писателей императорской эпохи о томъ, что римскій климатъ былъ нездоровъ въ особенности въ концѣ лѣта и въ началѣ осени, и что въ это время года наиболѣе свирѣпствовала лихорадка (febris). Такъ, напримѣръ, Горацій въ одной изъ своихъ одъ [1]), въ которой онъ проповѣдуетъ, что въ виду краткости жизни и неизбѣжности смерти слѣдуетъ наслаждаться первой, говоря объ Австрѣ, то есть южномъ вѣтрѣ, дувшемъ въ древнемъ Римѣ въ особенности съ половины августа до половины сентября (ср. Плинія N. H. II, 47, 124 и Ювен. 14, 130), называетъ его вреднымъ для здоровья вѣтромъ, а въ одной изъ своихъ сатиръ [2]) тотъ же поэтъ, удалившись изъ Рима въ свое сабинское помѣстье, считаетъ себя счастливымъ, потому что тамъ его „не губитъ ни Австръ свинцовый" (plumbeus Auster, отягощающій члены какъ бы свинцомъ или—какъ еще можно объяснить это выраженіе — Австръ, покрывающій небо облаками свинцоваго цвѣта), „ни вредоносная осень, доходная злой Либитинѣ", то есть богинѣ, олицетворяющей смерть.—И въ 16-омъ посланіи первой книги своихъ Epistulae Горацій восхваляетъ здоровый климатъ своего горнаго помѣстья въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ противополагаетъ его вредному осен-

---

[1]) Horat. carm. II, 14, 15 sq. говоритъ, что въ виду неизбѣжности смерти

Frustra per autumnos nocentem
Corporibus metuemus austrum.

Подобнымъ образомъ въ carm. III, 28, 5 Горацій называетъ Африканскій вѣтеръ (Africus) «pestilens», а (въ 8 стихѣ) осень «grave tempus», хотя тутъ въ особенности по отношенію къ растительному царству. Также Папиній Стацій (Silv. I, 2, 27), описывая Соррентскую виллу Поллія Феликса и говоря, что тамъ «insani spirant clementius austri, мысленно противопоставляетъ, повидимому, Сорренту Римъ, гдѣ вліяніе Австра на состояніе здоровья жителей было весьма пагубно.—Эпитетами noxius, nocens, nocuus, saevus, morbidus и тому подобными обозначается Австръ и другими римскими писателями, а Плиній Старшій, говоря о вліяніи разныхъ вѣтровъ на здоровье, противопоставляетъ здоровому Аквилону нездоровый Австръ (N. H. II, 47, 127).

[2]) Horat. Sat. II, 6, 18 sq.:

Nec mala me ambitio perdit nec plumbeus auster
Autumnusque gravis, Libitinae quaestus acerbae.

нему климату Рима. „Вотъ уголокъ дорогой“, говоритъ онъ въ этомъ посланіи о своемъ имѣньицѣ:

„Вотъ уголокъ дорогой и, если повѣрить, прекрасный.
Онъ становитъ меня въ сентябрѣ предъ тобою здоровымъ“ [1]).

Подобно Горацію, и другіе поэты временъ имперіи, какъ напримѣръ, Проперцій [2]), Вергилій [3]) и Ювеналъ, жалуются на вредный осенній климатъ Рима. Послѣдній поэтъ въ третьей изъ своихъ сатиръ, въ которой мрачными красками описываются всѣ опасности и непріятности жизни въ столицѣ имперіи, сопоставляетъ вмѣстѣ и, такъ сказать, uno tenore постоянно случавшіеся въ Римѣ пожары, обрушенія домовъ и тысячу другихъ опасностей съ публичными чтеніями разныхъ поэтовъ, не прекращавшимися даже въ августѣ мѣсяцѣ, то-есть, какъ я объясняю, въ такое время года, когда римскій климатъ былъ наиболѣе опасенъ для здоровья. Такъ какъ на эти чтенія поэтовъ обязательно должны были являться ихъ друзья и кліенты, то послѣдніе не могли выѣзжать изъ города, чтобы спасаться въ болѣе здоровыхъ мѣстностяхъ [4]).—Еще болѣе опредѣлен-

---

[1]) Horat. Epist. I, 16, 15 sq.:
Hae latebrae dulces, etiam, si credis, amoenae
Incolumem tibi me praestant Septembribus horis.

[2]) Propert. III, 24 (=II, 28), 1—6:
Iuppiter, *adfectae* tandem miserere puellae:
Tam formosa tuum mortua crimen erit.
Venit enim tempus, quo torridus aestuat aer
Incipit et sicco fervere terra cane
Sed non tam ardoris culpast neque crimina caeli,
Quam totiens sanctos non habuisse deos.

[3]) Vergil. Aen. X 274 sq. говоритъ слѣдующее о Сиріусѣ, восходъ котораго древними относился или къ 18-му или къ [15]/[26]-му іюля:
Ille sitim morbosque ferens mortalibus aegris
Nascitur et laevo contristat lumina caelum.

[4]) Iuven. 3, 6—9:
Nam quid tam miserum, tam solum vidimus, ut non
Deterius credas horrere incendia, lapsus
Tectorum assiduos ac mille *pericula saevae*
Urbis et *Augusto* recitantes *mense* poetas.
Лишь при моемъ объясненіи этого мѣста, указывающемъ на то, что августъ былъ не только самый жаркій (какъ другіе толкователи объясняютъ), но и самый вредный и опасный для здоровья мѣсяцъ въ Римѣ, сопоставленіе Ювеналомъ чтеній поэтовъ, происходившихъ даже въ этомъ мѣсяцѣ, съ incendia, lapsus tectorum и другими mille *pericula* saevae urbis дѣлается вполнѣ понятнымъ.

ное указаніе на вредный климатъ древняго Рима, а также другихъ мѣстностей Италіи, обнаруживавшійся въ особенности осенью, мы находимъ въ 4-ой сатирѣ того же поэта Ювенала, гдѣ онъ описываетъ, какъ одинъ рыбакъ изъ Анконы, поймавъ однажды громадную камбалу, со своей добычей поспѣшно отправился къ жившему тогда въ своей лѣтней резиденціи въ Альбѣ Лонгѣ императору Домиціану, когда, какъ говоритъ поэтъ,

„уже смертоносная осень морозамъ
Уступала, ужъ рѣже трепала больныхъ лихорадка,
Злая свистала зима и сохраняла отъ порчи
Свѣжій уловъ. Тотъ межъ тѣмъ спѣшитъ, словно Австеръ торопитъ“ [1]).

Тотъ же поэтъ Ювеналъ въ своей знаменитой 6-ой сатирѣ, карающей всѣ пороки римскихъ женщинъ временъ имперіи, между прочимъ выводитъ типъ суевѣрно-набожной матроны, которая увлекается азіатскимъ культомъ Цибелы и настолько отдается во власть неистовыхъ жрецовъ этой богини, что одинъ изъ послѣднихъ, настоящій шарлатанъ, всячески эксплоатируетъ ея суевѣрную набожность и, напримѣръ, вдругъ на нее

„Громко кричитъ и велитъ сентября ей бояться и вѣтровъ
Южныхъ, если себя она сотней яицъ не откупитъ
И не дастъ старья ему, цвѣта листвы виноградной,
Чтобы все то, что грозитъ внезапной и страшной бѣдою,
Въ эту одежду пошло, и за-разъ цѣлый годъ искупился“ [2]).

---

[1]) Iuven. 4, 56—59:

iam *letifero* cedente pruinis
Autumno, iam *quartanam sperantibus aegris*,
Stridebat deformis hiems praedamque recentem
Servabat; tamen hic properat, velut urgueat Auster.

[2]) Iuven. 6, 517—521:

Grande sonat *metuique* iubet *Septembris et Austri*
Adventum, nisi se centum lustraverit ovis
Et xerampelinas veteres donaverit ipsi,
Ut, quidquid *subiti et magni discriminis instat*,
In tunicas eat et totum semel expiet annum.

Съ этимъ мѣстомъ Ювенала можно сравнить приведенный Гораціемъ примѣръ религіознаго суевѣрія, имѣющій также отношенія къ римской лихорадкѣ (Sat. II, 3, 288—295):

'Iuppiter, ingentis qui das adimisque dolores',
Mater ait pueri mensis iam quinque cubantis,
'Frigida si puerum *quartana* reliquerit, illo
Mane die, quo tu indicis ieiunia, nudus
In Tiberi stabit'. casus medicusve levarit

Въ другомъ мѣстѣ Ювеналъ, упоминая о современномъ ему врачѣ, котораго онъ выводитъ подъ именемъ извѣстнаго медика временъ Августа, Ѳемизона, основателя методической школы (ср. Haeser, Gesch. der Medizin I², 268 sqq.), выражаетъ мысль, что трудно было бы сосчитать, „сколько больныхъ уморилъ Ѳемизонъ за одну только осень" [1]). Если мы сравнимъ эти слова Ювенала съ другими, приведенными мною, свидѣтельствами о томъ, что въ концѣ лѣта и въ началѣ осени, начинавшейся, по опредѣленіямъ древнихъ (ср. Mommsen, Röm. Chron. ², p. 300), съ 11-го (или 12-го) августа, и въ особенности въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Римѣ наиболѣе свирѣпствовала лихорадка, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что подъ больными, умореннымиѲемизономъ за одну только осень, подразумѣваются преимущественно люди, заболѣвавшіе этой лихорадкою. Такое предположеніе подкрѣпляется еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что у современника Ювенала, поэта Марціала, имѣется одна эпиграмма, содержаніе которой весьма сходно съ содержаніемъ только что приведенныхъ мною словъ Ювенала. Въ этой эпиграммѣ, написанной по поводу скоропостижной смерти нѣкоего Кара, можетъ быть, занимавшагося, въ качествѣ врача, преимущественно леченіемъ квартаны, то-есть, четырехдневной перемежающейся лихорадки, Марціалъ выражаетъ слѣдующую мысль:

„Болѣе Каръ ничѣмъ не грѣшилъ, какъ тѣмъ, что онъ умеръ
    Отъ лихорадки, Максимъ; такъ же грѣшила болѣзнь.
Кабы по крайней мѣрѣ квартана его изнуряла!
    Самъ онъ тогда бы попалъ въ руки врачу пачкуну" [2]).

Aegrum ex praecipiti: mater delira necabit
In gelida fixum ripa *febrem*que reducet:
Quone malo mentem concussa? timore deorum.

[1]) Iuven. 10, 221: Quot Themison aegros autumno occiderit uno.—Схоліастъ примѣчаетъ къ этому мѣсту: archiater illius temporis, cui detrahit. Ср. также комментарій Mayor'а.

[2]) Martial. X, 77:

Nequius a Caro nihil umquam, Maxime, factum est,
    Quam quod febre perit: fecit et illa nefas.
Saeva nocens febris saltem quartana fuisses!
    Servari medico debuit ille suo.

Какое изъ рукописныхъ разночтеній въ 3-мъ и 4-мъ стихахъ мы ни примемъ, въ 3-мъ fuisses (P Q Friedl.) или fuisset (E F ω Schneid.), а въ 4-мъ ille (P Q E X A F¦ Schneid. Friedl.) или illa (ω Munro), во всякомъ случаѣ эта эпиграмма содержитъ колкость, направленную противъ (какого-то) врача-шарлатана, занимавшагося спеціально леченіемъ квартаны.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCLXXXVII.

1893.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининск. кан., № 80.
1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 1-го іюня).

Въ другой эпиграммѣ Марціалъ насмѣхается надъ какой-то женщиной, которая все еще хочетъ выйти замужъ, хотя она уже настолько стара, что въ августѣ мѣсяцѣ ей холодно, и лихорадка не можетъ ее согрѣть [1]).

Рядомъ со всѣми до сихъ поръ приведенными мною свидѣтельствами римскихъ поэтовъ о нездоровости римскаго климата, въ особенности осенняго, въ императорскій періодъ, мы находимъ такія же свидѣтельства и у нѣкоторыхъ изъ наиболѣе достовѣрныхъ римскихъ прозаиковъ. Въ глазахъ историка эти послѣднія заслуживаютъ, конечно, особеннаго вниманія. Такъ, напримѣръ, Тацитъ во 2-й книгѣ своихъ Historiae разказываетъ, что среди большой части многочисленнаго войска императора Вителлія, которое состояло главнымъ образомъ изъ германцевъ и галловъ и скоро послѣ своего вступленія въ Римъ расположилось на правомъ берегу Тибра въ мѣстности Ватикана, бывали весьма частые смертные случаи, вслѣдствіе крайней нездоровости этой мѣстности (*infamibus* Vaticani locis). При этомъ Тацитъ даетъ явно понять, что только полнѣйшее разложеніе дисциплины въ войскѣ Вителлія и отсутствіе у начальниковъ всякой заботы о сохраненіи здоровья солдатъ было причиной того, что большая часть этихъ послѣднихъ могла расположиться въ пользовавшейся столь дурною славою мѣстности [2]). Если это явное указаніе Тацита сопоставить съ фактомъ [3]), что прилегавшая къ Ватикану часть Транстиберинскаго квартала Рима (regio trans Tiberim) въ

---

[1]) Martial. III, 93, 16 sq.:

> Cum bruma mensem sit tibi per Augustum
> Regelare nec te pestilenties possit.

Съ этой эпиграммой сравни Iuven. X 270 sq., гдѣ говорится о старикѣ, въ тѣлѣ котораго скудная и холодная кровь разгорячается только отъ припадковъ лихорадки.

[2]) Tacit. Hist. II 93: Sed miles plenis castris et redundante multitudine in porticibus aut delubris et urbe tota vagus, non principia noscere, non servare vigilias neque labore firmari: per inlecebras urbis et inhonesta dictu corpus otio, animum libidinibus imminuebant. postremo ne *salutis* quidem cura: *infamibus Vaticani locis* magna pars tetendit, *unde crebrae in vulgus mortes*, ed adiacente Tiberi Germanorum Gallorumque *obnoxia morbis corpora* fluminis aviditas et aestus inpatientia labefecit. Нѣсколько далѣе (Hist. II 94) Тацитъ говоритъ объ этихъ солдатахъ: fessi morbis et *intemperiem caeli* incusantes, а Hist. III 2 онъ ихъ называетъ valetudinibus fessos.

[3]) Ср. Becker, Handb. d. röm. Alt. I, 659; Richter, Topogr. v. Rom (въ Handb. d. klass. Alt. Ивана Мюллера III) p. 876 sqq; Gilbert, Gesch. и Top. d. St. Rom im Alt. III 449 sq.

первомъ столѣтіи по Р. Хр. еще почти совсѣмъ не была заселена, а заключала въ себѣ главнымъ образомъ императорскіе сады, носящіе, у Тацита (Ann. XV 39 и 44) общее названіе horti Neronis, но состоявшіе, собственно, изъ разныхъ комплексовъ, именно изъ horti Agrippinae, съ построеннымъ въ нихъ императоромъ Гаемъ циркомъ, такъ называемымъ Gaianum, и изъ horti Domitiae, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что весьма дурная въ санитарномъ отношеніи репутація, которой вся Ватиканская мѣстность, очевидно, издавна пользовалась у древнихъ римлянъ, исключительно была вызвана тѣмъ, что долго пребывавшіе въ этой мѣстности люди, въ особенности иностранцы (какъ германцы и галлы), не привыкшіе еще къ римскому или вообще итальянскому климату [1]), опасно заболѣвали лихорадкою, въ особенности если это пребываніе случалось лѣтомъ или ранней осенью. И именно къ этому времени года (къ концу іюля мѣсяца и ко всему августу) относится пребываніе въ Ватиканской мѣстности упомянутой части Вителліева войска, какъ это можно заключить изъ того обстоятельства, что вступленіе послѣдняго въ Римъ случилось около половины іюля мѣсяца (за немного дней до 18-го іюля—ср. Tac. Hist. II 89—91 и Sueton. Vitell. 11), а выступленіе его (ср. Tac. Hist. II 99) только тогда, когда Вителлій получилъ въ Римѣ извѣстіе о вторженіи въ Италію иллирійскаго войска, примкнувшаго въ августѣ (ср. Sueton. Vitell. 15: Octavo imperii mense) къ сторонѣ Веспасіана, извѣстіе, которое

---

[1]) Такъ, конечно, надо понимать такія сужденія о галлахъ, германцахъ и другихъ иностранцахъ, какія высказываются напримѣръ, Тацитомъ (Hist. II 93): Germanorum Gallorumque obnoxia morbis corpora. (Hist. II 32): Germanos.... tracto in aestatem bello (въ Италіи близъ рѣки По, то есть, въ мѣстности, гдѣ всегда свирѣпствовала малярія), fluxis corporibus mutationem soli caelique haud toleraturos.... corpora militum (то-есть, находившихся въ войскѣ императора Отона солдатъ, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ италійцевъ и другихъ южанъ) aut Italiae sueta aut aestibus. Весьма мѣтко разсуждаетъ объ этомъ вопросѣ Лукрецій (VI 1101 sqq. изд. Бернайса):

nonne vides etiam caeli novitate et aquarum
temptari procul a patria quicumque domoque
adveniunt ideo quia longe discrepitant res?

Витрувій (De archit. VI, 1, 4 Rose) заявляетъ самымъ опредѣленнымъ образомъ что „corpora, quae nascuntur sub septentrione, a febri sunt timidiora et inbecilla“, между тѣмъ, какъ люди, которые „sunt proximi ad axem meridianum subiectique solis cursui“, „ardores ac febres sufferunt sine timore, quod nutrita sunt eorum corpora cum fervore“.

врядъ ли могло придти въ Римъ раньше конца августа [1]). Объ обусловленной безъ сомнѣнія маларіею нездоровости воздуха, которою отличалась въ особенности транстиберинская часть города Рима, подобно Тациту свидѣтельствуетъ также Плиній Младшій въ написанномъ имъ между 102—105 г. по Р. Хр. письмѣ къ Аттію (Epist. IV 2), гдѣ онъ разказываетъ, что визиты, которые множество римлянъ считало нужнымъ сдѣлать М. Регулу, извѣстному своимъ богатствомъ, пріобрѣтеннымъ вслѣдствіе заискиванія наслѣдствъ, для изъявленія ему соболѣзнованія по поводу смерти его сына, случившейся, вѣроятно, осенью одного изъ вышеназванныхъ годовъ, были весьма тягостны для посѣтителей вслѣдствіе того, что Регулъ тогда жилъ въ своей транстиберинской виллѣ, и время года было самое нездоровое [2]).

Свидѣтельства древнихъ о нездоровомъ климатѣ императорскаго Рима касаются, однако, не только городской черты столицы и ея предмѣстій, но и ея окрестностей. Такъ, Светоній разказываетъ [3]), что въ сентябрѣ 81-го года по Р. Хр. императоръ Титъ, отправляясь въ свою лѣтнюю резиденцію въ Aquae Cutiliae, схватилъ сильную лихорадку вслѣдствіе того, что остановился на ночь на первой почтовой станціи ведшей туда дороги, то-есть, или въ Фиденахъ, находившихся (по Діонисію Галикарн. II 53) на разстояніи пяти миль отъ Рима, или, что вѣроятнѣе, въ Эретѣ, находившемся (по Itiner.

---

[1]) Два мѣсяца спустя, въ концѣ октября, при Бедріакѣ и Кремонѣ произошли сраженія между Вителліевыми легіонами и иллирійскимъ войскомъ (ср. Cass. Dio. LXV 11—14. Tac. Hist. III 15—25). Mommsen, Die zwei Schlachten von Betriacum, въ Hermes V (1871) стр. 161—169.

[2]) Плиній Epist. IV, 2, 4—6: Convenitur ad eum [то-есть, Regulum] mira celebritate. Cuncti detestantur oderunt, et quasi probent, quasi diligant, cursant frequentant, utque breviter quod sentio enuntiem, in Regulo demerendo Regulum imitantur. Tenet se trans Tiberim in hortis, in quibus latissimum solum porticibus immensis, ripam statuis suis occupavit, ut est in summa avaritia sumptuosus, in summa infamia gloriosus. Vexat ergo civitatem insaluberrimo tempore, et quod vexat solacium putat.

[3]) Светоній Div. Titus c. 10: Spectaculis absolutis... Sabinos petit... Deinde ad primam statim mansionem febrim nanctus, cum inde lectica transferretur, suspexisse dicitur dimotis pallulis caelum, multumque conquestus eripi sibi vitam immerenti. (c. 11) Excessit in eadem qua pater villa Id. Septb. — Дорога, которая вела въ Сабинскую область, была via Salaria (cf. Strabo V, 3, 1), а первая почтовая станція (для ночлега, mansio) этой дороги находилась или въ Фиденахъ (согласно tabula Peutingeriana, изд. Дежардена) или же въ Эретѣ (согласно Itinerarium Antonini Augusti, ed. Parthey et Pinder, p. 146).

Anton. и Dion. Hal. XI, 3) на разстояніи 18-ти миль. Лихорадка, которой заболѣлъ императоръ, была настолько сильна, что онъ могъ продолжать свое путешествіе только въ носилкахъ, а прибывши въ Кутиліи, скоро умеръ (13-го сентября 81 г.).

Около того же времени и другія мѣстности Лаціума пользовались особенно дурной репутаціей, вслѣдствіе своего нездороваго климата. Къ нимъ философъ Сенека [1]) и поэтъ Марціалъ [2]) относятъ прежде всего городъ Ардею и его окрестности, а Плиній Младшій [3]), восхваляя здоровый воздухъ своей этрусской виллы, расположенной у подошвы Апеннинъ (близъ Tifernum Tiberinum—ср. Plin. Epist., IV, 1, 4), и говоря, что онъ предпочитаетъ ее всѣмъ Тускуланскимъ, Тибуртинскимъ и Пренестинскимъ вилламъ, такъ какъ воздухъ въ ней еще здоровѣе, чище и прозрачнѣе, чѣмъ въ этихъ послѣднихъ, такимъ образомъ даетъ понять, что даже Тускулумъ, Тибуръ и Пре-

---

[1]) Сенека (Epist. mor. 105, 1) пишетъ Луцилію: Quae observanda tibi sint, ut tutior vivas, dicam, tu tamen sic audias censeo ista praecepta, quomodo si tibi praeciperem, *qua ratione valetudinem in Ardeatino tuereris*. Уже Страбонъ (V, 3, 5 p. 231), какъ мы увидимъ ниже (стр. 25, прим. 1), указалъ на нездоровость Ардеатинской мѣстности.

[2]) Марціалъ IV 60: Ardea solstitio Castranaque rura petantur
Quique Cleonaeo sidere fervet ager,
Cum Tiburtinas damnet Curiatius auras
Inter laudatas ad Styga missus aquas.
Nullo fata loco possis excludere: cum mors
Venerit, in medio Tibure Sardinia est.

Такъ какъ Сардинія вслѣдствіе страшной нездоровости своего воздуха и всегда свирѣпствовавшей тамъ маларіи (ср. Циц. ad Quint. II, 3, 7. Мела II 123 ed. Parthey. Страб. V, 2, 7 p. 225. Тац. Ann. II 85. Силій Ит. XII 371; Павсан. X, 17, 11. Клавдіанъ Bell. Gild. 514), вошла въ пословицу, то мнѣ кажется несомнѣннымъ, что упомянутый Марціаломъ Куріацій умеръ въ Тибурѣ, считавшемся вообще здоровымъ, тоже отъ маларійной лихорадки.

[3]) Плиній Epist. V, 6, 1—2 пишетъ Домицію: Amavi curam et sollicitudinem tuam, quod, cum audisses me aestate Tuscos meos petiturum, ne facerem suasisti, dum putas insalubres. Est sane gravis et pestilens ora Tuscorum, quae per litus tenditur: sed hi procul a mari recesserunt, quin etiam Appennino, saluberrimo montium, subiacent: Описавъ затѣмъ въ §§ 8—44 temperiem caeli, regionis situm, villae amoenitatem (§ 3), Плиній свое письмо заканчиваетъ слѣдующими словами (§ 45): Habes causas cur ego *Tuscos meos Tusculanis, Tiburtinis, Praenestinisque praeponam.* Nam super illa puae rettuli altius ibi otium et pinguius eoque securius,... placida omnia et quiescentia; quod ipsum *salubritati regioni ut purius caelum, ut aer liquidior* accedit. Ibi animo, ibi corpore maxime valeo... (§ 46) Mei quoque *nusquam salubrius degunt.*

несте не совсѣмъ свободны были отъ вредныхъ климатическихъ условій, выражавшихся, по всей вѣроятности, въ томъ, что и тамъ иногда заболѣвали маларійной лихорадкою.

И изъ слѣдующихъ столѣтій мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ древнихъ писателей о томъ, что маларійныя лихорадки имѣли постоянное гнѣздо въ Римѣ и его окрестностяхъ. Такъ напримѣръ, знаменитый греческій врачъ 2-го вѣка по Р. Хр., Галенъ, который всю вторую половину своей долгой жизни провелъ въ столицѣ римской имперіи, говоря о полутрехдневной лихорадкѣ (πυρετὸς ἡμιτριταῖος. по латыни febris semitertiana), называетъ ее болѣзнью чаще всего встрѣчающейся среди жителей Рима, привыкшихъ уже къ ней, какъ къ чему-то родному [1]). Въ другомъ мѣстѣ [2]) тотъ же врачъ свидѣтельствуетъ, что въ Римѣ ежедневно можно было видѣть безчисленную массу людей, одержимыхъ желтухой и водянкой, то-есть такими болѣзнями, которыя являются обыкновеннымъ послѣдствіемъ маларіи [3]). Но кромѣ полутрехдневной перемежающейся лихорадки имѣли свое постоянное гнѣздо въ Римѣ также другія формы маларіи и въ особенности трехдневная и четырехдневная перемежающіяся лихорадки (tertiana и quartana), какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ попадающіяся у римскихъ писателей и отчасти уже приведенныя мною упоминанія этихъ формъ маларійной лихорадки, встрѣчавшихся, по видимому, у жителей Рима [5]). Эти послѣдніе, когда

---

[1]) Галенъ XVII, 1 p. 121 sq. K. См. также Марціала II, 40. 1 и IV, 80, 3.

[2]) Галенъ XI, p. 328: ...κατὰ τὴν πολυανθρωποτάτην πόλιν τήνδε μυρίων ὁσημέραι μὲν κατ' αὐτὴν ἰκτεριώντων εὑρεθῆναι δυναμένων, μυρίων δὲ ὑδεριχῶν.,. ἀγέτω τις πρός γε τούτων δή τινα χωρὶς πυρετοῦ μεστὸν ἔχοντα τῆς πικρᾶς χολῆς τὸ σύμπαν σῶμα κ. τ. λ.

[3]) Относительно водянки это подтверждается также свидѣтельствомъ жившаго въ 1-мъ столѣтіи до Р. Хр. знаменитаго врача Асклиніана, приведеннымъ въ сочиненіи Целія Авреліана, De morbis acutis et chronicis II, 10, 63 (см. ниже).

[4]) Кромѣ вышеприведенныхъ мѣстъ Горація (Sat. II, 3, 290), Ювенала (4, 57) и Марціала (X, 77, 3—4) ср. еще Светон. De vir ill. ed. Reifferscb. p. 128 (Hieronymus ad Olymp. 194, 1), гдѣ разказывается, что въ 750 г. ab urbe cond. (4 г. до Р. Хр.) M. Porcius Latro latinus declamator taedio duplicis quartanae semet ipsum interfecit, и Juven. 9, 16 sq., гдѣ худоба грустнаго молодаго человѣка Невола сравнивается съ худобой человѣка, который съ давнихъ поръ изнуряется четырехдневной перемежающейся лихорадкою (quem tempore longo Torret quarta dies olimque domestica febris). И въ 3-мъ столѣтіи по Р. Хр. случаи заболѣванія четырехдневной или трехдневной перемежающейся лихорадкою были весьма часты въ Римѣ—ср. Aelius Spartianus, Anton. Carac. 5, 7 (приведено ниже на стр. 86, прим. 3). Четырехдневную перемежающуюся лихорадку

заболѣвали лихорадкой, имѣли обыкновеніе носить на тѣлѣ разныя врачебныя средства (remedia corporibus или collo adnexa) [1]), подъ которыми мы, конечно, должны подразумѣвать главнымъ образомъ тѣ весьма разнообразные амулеты (или такъ-называемыя περίαπτα), которые въ простонародной медицинѣ древнихъ, какъ извѣстно [2]), играли весьма важную роль. И вотъ, за такое суевѣрное, но невинное ношеніе амулетовъ, долженствовавшихъ спасать ихъ носителей отъ маларійной лихорадки, при сумасбродномъ императорѣ Каракаллѣ (211—218), какъ разказываетъ его біографъ [3]), многіе римляне были осуждены (на смерть), вѣроятно по обвиненію въ упо-

---

древніе считали менѣе опасной, чѣмъ другія формы маларійной лихорадки, какъ это видно изъ Цельса (III, 3 и въ особенности III, 15. Quartana neminem iugulat) Ювенала (4, 57—см. прим. 1 на стр. 79) и въ особенности Геллія, который пишетъ (N. A. XVII, 12, 2): febrim quartis diebus recurrentem laudavit (Favorinus, другъ Геллія)... (§ 3) in febris laudibus testem etiam Platonem produxit, quem scripsisse ait, qui quartanam passus convaluerit viresque integras recuperaverit, fidelius constantiusque postea valiturum. Ср. еще Циц. ad fam. XVI. 11. 1 и приведенную ниже надпись C. I. L. XII 3129. Наконецъ я не могу не указать здѣсь на разказъ Светонія (Div. Aug. 81), по которому Августъ не только „graves et periculosas valitudines per omnem vitam aliquot expertus est“, но и „quasdam et anniversarias ac tempore certo recurrentes experiebatur; nam *sub natalem suum* (21-го сентября—ср. Свет. Div. Aug. 5) *plerumque languebat*; et initio veris praecordiorum inflatione temptabatur, *austrinis autem tempestatibus gravedine*“. Весьма возможно, что общее физическое изнеможеніе которое у Августа появлялось каждую осень (въ столь нездоровомъ, какъ мы видѣли выше, въ особенности по причинѣ маларіи, сентябрѣ мѣсяцѣ), и та тягость, которую онъ чувствовалъ въ себѣ всякій разъ, когда дулъ южный вѣтеръ (plumbeus auster Горація), то есть опять-таки, главнымъ образомъ, осенью, были обусловлены припадками лихорадки. Это является тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что Августъ, по свидѣтельству Светонія (Div. Aug. 72), всякій разъ, когда заболѣвалъ, изъ своего дома на Палатинѣ переѣзжалъ въ доставшійся ему по завѣщанію домъ Мецената, такъ какъ воздухъ высокаго Эсквилинскаго холма, гдѣ помѣщался этотъ послѣдній, очевидно, тогда начиналъ считаться болѣе здоровымъ (ср. Horat. Sat. I, 8, 14: Nunc licet Esquiliis habitare salubribus), чѣмъ воздухъ окруженнаго сырыми долинами Палатинскаго холма. Но и Эсквилинъ, должно быть, не совсѣмъ былъ свободенъ отъ маларіи, такъ какъ самъ Меценатъ, по свидѣтельству Плинія Старшаго (quibusdam perpetua febris est, sicut C. Maecenati. eidem triennio supremo nullo horae momento contigit somnus), въ продолженіе всей своей жизни страдалъ припадками лихорадки, по видимому, маларійнаго характера.

[1]) Ср. Valer. Max. II, 5, 6 и Aelius Spartianus, Anton. Carac. 5, 7.

[2]) Подробнѣе объ нихъ трактуетъ (Becker-) Marquardt Handb. d. röm Alt. IV, 119 sqq. Ср. также Preller, Röm. Myt. II^{3}, 240; Marquardt. Röm. Staatsverw. III^{2}, 106 sqq. и ниже на стр. 104 прим. 6.

[3]) Aelius Spartianus, Anton. Carac. 5, 7: damnati sunt, ...qui remedia quartanis tertianisque collo adnexa gestarunt.

требленіи магическихъ пріемовъ, направленныхъ, якобы, противъ его величества императора [1]). Въ виду всѣхъ этихъ свидѣтельствъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что подробныя описанія, которыя римскій энциклопедистъ временъ Тиберія, Корнелій Цельсъ, въ своемъ сочиненіи De medicina (III, 3—17) даетъ о характерѣ и лѣченіи febris quotidiana, tertiana, semitertiana и quartana, должны были служить руководствомъ въ особенности для жителей Рима, такъ часто подвергавшихся этимъ болѣзнямъ [2]), хотя свои описанія

---

[1]) Разказанный Спарціаномъ фактъ хорошо объясняется разказомъ Амміана Марцеллина (XVI, 8, 1—2) о подобныхъ же фактахъ, случавшихся при императорѣ Констанціѣ въ 356 г.; in castris Augusti per simulationem tuendae maiestatis imperatoriae multa et nefanda perpetrabantur. (§ 2) nam si quis super occentu soricis vel occursu mustelae vel similis signi gratia consuluisset quemquam peritum, aut anile incantamentum ad leniendum adhibuisset dolorem — quod medicinae quoque admittit auctoritas — reus, unde non poterat opinari, delatus raptusque in iudicium poenaliter interibat. Подобныя вещи случались и при Валентиніанѣ (ср. Ammian. Marc. XXIX, 2, 26 sqq. Относительно магическихъ пріемовъ и въ особенности наговоровъ, которые были въ ходу у древнихъ, и въ употребленіи которыхъ, по видимому, были обвинены и упомянутые Спарціаномъ люди, ср. превосходное изслѣдованіе Н. В. Помяловскаго, Эпиграфическіе этюды. I) Древніе наговоры (въ особенности стр. 49 сл. и 67), гдѣ, однако, не упоминается о приведенномъ нами случаѣ.

[2]) Ср. Haeser, Lehrb. d. Gesch. d. Medizin I[3], 284. Мнѣніе Iordan'а (Topogr. Roms I. 1, 149 sq. ss. 46), что Цельсъ при своихъ описаніяхъ febris quotidianae и т. д. совсѣмъ не имѣлъ въ виду формъ римской лихорадки, лишено всякаго вѣроятія и даже не согласно съ свидѣтельствами другихъ древнихъ писателей объ этихъ формахъ римской лихорадки. Также не можетъ подлежать сомнѣнію, что на счетъ римлянъ, въ особенности, были высказаны Цельсомъ слѣдующія общія замѣчанія о гигіенѣ (De medic. I 2 init.) At imbecillis, quo in numero magna pars *urbanorum* omnesque paene cupidi literarum sunt, observatio maior necessaria est, ut, quod vel corporis, vel *loci*, vel studii ratio detrahit, cura restituat... Habitare vero (sc. debent) aedificio lucido, perflatum aestivum, hibernum solem habente; cavere meridianum solem, matutinum et vespertinum frigus; itemque auras fluminum atque stagnorum; minimeque, nubilo caelo, soli aperienti se committere, ne modo frigus, modo calor moveat; quae res maxime gravedines destillationesque concitat. Magis vero *gravibus locis* ista servanda sunt, in quibus etiam *pestilentiam* faciunt. Наиболѣе опаснымъ, вслѣдствіе маларіи, временемъ года и по свидѣтельству Цельса была осень. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу (II, 1 init.): Igitur saluberrimum ver est; proxime deinde ab hoc hiems; periculosior aestas; autumnus longe periculosissimus. Описавъ затѣмъ болѣзни, которыя бываютъ весною, онъ продолжаетъ: At aestas non quidem vacat plerisque his morbis; sed adicit febres vel continuas, vel tertianas... Vix quidquam ex his in autumnum non incidit; sed oriuntur quoque eo tempore febres incertae, lienis dolor, aqua inter cutem, tabes... Idemque tempus et diutinis malis fatigatos et

Цельсъ составилъ преимущественно по сочиненіямъ греческихъ медиковъ, уже рано начавшихъ изучать эти болѣзни, встрѣчавшіяся также въ Греціи и другихъ странахъ.

Вотъ всѣ свидѣтельства, которыя намъ доказываютъ существованіе эндемической маларійной лихорадки въ Римѣ императорскихъ временъ. Глубоко, однако, ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что эта болѣзнь явилась и развилась въ Римѣ и его окрестностяхъ только со временъ имперіи, и что она чужда былъ Риму древнѣйшихъ и республиканскихъ временъ. Такому мнѣнію, являющемуся уже a priori неправдоподобнымъ, противорѣчатъ опредѣленныя свидѣтельства самихъ древнихъ писателей. Правда, этихъ свидѣтельствъ, касающихся климатически-гигіеническаго состоянія древнѣйшаго и республиканскаго Рима, гораздо меньше приведенныхъ уже мною свидѣтельствъ, доказывающихъ существованіе эндемической маларійной лихорадки въ Римѣ императорскихъ временъ; но это обстоятельство объясняется весьма просто во 1) неполнотою и сравнительной скудостью сохранившихся всякаго рода письменныхъ и литературныхъ памятниковъ республиканскаго Рима; во 2) тѣмъ, что начиная съ императорскихъ временъ, въ особенности со 2-го вѣка по р. Хр., вслѣдствіе разныхъ причинъ, маларія, кажется, дѣйствительно стала сильнѣе развиваться и распространяться, какъ въ Римѣ и его окресностяхъ, такъ и въ другихъ частяхъ Италіи; и наконецъ въ 3) тѣмъ, что всякій народъ, когда онъ находится еще на первыхъ ступеняхъ своего культурнаго развитія и, достигши извѣстной высоты его, сохраняетъ еще большую часть своей первоначальной природной силы и эластичности, основанной на простомъ образѣ жизни, менѣе подверженъ губительному вліянію неблагопріятныхъ физическихъ условій, чѣмъ тогда, когда, вслѣдствіе чрезмѣрной утонченности культуры и испорченности нравовъ, онъ изнѣживается и все болѣе и болѣе перестаетъ жить въ согласіи со строгими требованіями окружающей его природы. Это случилось и съ римскимъ народомъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ я уже сказалъ, до насъ дошли нѣкоторыя свидѣтельства, доказывающія, что уже въ древнѣйшія и республиканскія времена Римъ и его окрестности въ климатически-гигіени-

---

ab aestate etiam proxima pressos interimit; et alios novis morbis conficit; et quosdam longissimis implicat, maximeque quartanis, quae per hiemen quoque exercent. Еще дальше онъ говоритъ слѣдующее: (II, 1 med.): In siccitatibus acutae febres oriuntur. Per imbres, longae febres.

ческомъ отношеніи пользовались нѣсколько дурной репутаціей. Цицеронъ въ своемъ сочиненіи De re publica, написанномъ въ 54 и двухъ слѣдующихъ годахъ до р. Хр., разсуждая о выгодахъ положенія Рима, основаннаго Ромуломъ, не можетъ не сознавать, что окружающая городъ область, то есть Лаціумъ или нынѣшняя Campagna di Roma, нездорова. Правда, само то мѣсто этой области, на которой возникъ городъ, Цицеронъ называетъ здоровымъ, потому де, что оно состоитъ изъ холмовъ, которые просвѣжаются вѣтрами, а сами даютъ тѣнь лежащимъ между ними долинамъ [1]). Но такое объясненіе не выдерживаетъ строгой критики. Если бы здоровость Рима зависѣла исключительно отъ его положенія на холмахъ, то и вся остальная часть римской Кампаньи, характеръ и формація которой почти вполнѣ походитъ на характеръ и формацію мѣстности Рима [2]), должна была бы быть здоровой, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Здоровость климата самаго города Рима, выставляемая Цицерономъ въ противоположность нездоровости его окрестностей, могла, слѣдовательно, быть только относительной, но никакъ не абсолютной, и причиной этого, лишь сравнительно лучшаго климатически-гигіеническаго состоянія Рима является цѣлый рядъ условій, не имѣющихъ почти ничего общаго съ данными, указанными Цицерономъ. Какъ мало утвержденіе Цицерона, имѣвшее цѣлью лишь прославленіе мнимой мудрости и предусмотрительности Ромула, соотвѣтствовало истинѣ и дѣйствительности, видно, между прочимъ, ужъ изъ того, что полтора столѣтія послѣ него знаменитый curator aquarum Рима, Юлій Фронтинъ, по поводу совершенныхъ императоромъ Нервою реформъ, касавшихся водоснабженія и канализаціи Рима, восклицаетъ [3]): „теперь опрятность Рима представляется въ совер-

[1]) Cic. De rep. II, 6, 11: Locumque delegit (Romulus) et fontibus abundantem et in regione pestilenti salubrem; colles enim sunt, qui cum perflantur ipsi, tum adferunt umbram vallibus.

[2]) Четыре пятыхъ всей римской Кампаньи состоятъ изъ холмовъ, и только одна пятая изъ долинъ. Это фактъ, на который должнымъ образомъ напиралъ впервые Tommasi-Crudeli въ своемъ сочиненіи Il clima di Roma (Roma 1886), p. 17 sq.

[3]) Frontin, De aquis urbis Romae II, 88 (ed. Buech.): ne pereuntes quidem aquae otiosae sunt [онѣ отводились въ клоаки, для очистки послѣднихъ, ср. II, 111]: alia munditiarum facies, purior spiritus, et causae *gravioris caeli* quibus aput veteres urbis [codex Cassinensis имѣетъ: se urbi. Можетъ быть, надо эмендировать: suburbii] *infamis aer fuit*, sunt remotae.—Выраженіе infamis употребляется, какъ мы видѣли, также Тацитомъ, по отношенію къ нездоровой Ватиканской мѣстности.

шенно другомъ видѣ (чѣмъ прежде); воздухъ чище, и причины нездоровости, по которымъ климатъ (caelum) города у древнихъ пользовался дурной репутаціей, теперь устранены".—Очевидно, что упомянутая здѣсь нездоровость воздуха древнѣйшаго Рима выставляется Фронтиномъ не только какъ слѣдствіе прежней неопрятности улицъ [1]), но еще болѣе какъ слѣдствіе особыхъ климатически-гигіеническихъ условій всей мѣстности Рима, условій, которыя, какъ полагалъ Фронтинъ, могли быть устранены или по крайней мѣрѣ смягчены отчасти посредствомъ вполнѣ хорошаго устройства водоснабженія и канализаціи города.

Подобно Цицерону, и историкъ Ливій нѣсколько искусственно и несогласно съ истиной противоставляетъ нездоровому климату окрестностей Рима здоровый климатъ холмовъ, на которыхъ находился самый городъ. Въ виду замѣчательно быстраго развитія и славной исторіи Рима, Ливій, также, какъ Цицеронъ, старается доказать, что Ромулъ при выборѣ мѣста для города, который онъ хотѣлъ основать, обнаружилъ величайшую мудрость и дальновидность. Субъективность и искусственность такого мнѣнія не можетъ не бросаться каждому въ глаза, хотя самъ Ливій и пытается придать ему нѣсколько болѣе объективный характеръ, приписывая это мнѣніе Камиллу и влагая послѣднему въ уста рѣчь, въ которой онъ будто бы слѣдующими словами отклонилъ римскій народъ отъ намѣренія покинуть разрушенный галлами Римъ и переселиться въ Веія: „Не безъ причины боги и люди выбрали это мѣсто для основанія Рима; тутъ холмы весьма здоровые, тутъ рѣка представляетъ большія удобства;... тутъ море близко;..: тутъ все какъ бы создано для роста города,—что и доказывается самой величиною столь молодаго еще Рима" [2]). Не безъинтересно будетъ съ этими словами Ливія сопоставить сужденіе историка Діонисія Галикарнасскаго о Веіяхъ, высказанное имъ по поводу взятія Камилломъ этого города въ 396 г. до Р. Хр.: „Городъ Веіянъ", говоритъ этотъ писатель, „годился ни-

[1]) Такъ объясняются слова Фронтина другими, напримѣръ Gerlach'омъ и Bachofen'омъ (Geschichte der Römer I, 1, 47 nota 104); по моему, невѣрно, потому что spiritus (воздухъ) не означаетъ того же самаго, что caelum (климатъ, или воздухъ, обусловливаемый климатомъ).

[2]) Ливій V, 54, 4 Weissenb.: non sine causa dii hominesque hunc urbi condendae locum elegerunt, saluberrimos colles, flumen opportunum.... mare vicinum... da incrementum urbis natum unice locum. argumento est ipsa magnitudo tam novae urbis.

какъ не менѣе Рима для того, чтобы быть обитаемымъ, такъ какъ у него было много плодородныхъ полей, расположенныхъ отчасти на холмахъ, отчасти въ равнинѣ; окружающій же его воздухъ былъ весьма чистъ и здоровъ для людей, потому что по близости не было ни болота, откуда испарялись бы тяжелые и зловонные пары, ни рѣки, изъ которой по утрамъ подымались бы холодные струи воздуха; и притомъ городъ изобиловалъ водою, не проведенною, а мѣстною ключевою, отличавшейся какъ своимъ количествомъ, такъ и своими качествами, дѣлавшими ее въ высшей степени годной для питья" [1]). Если мы поглубже вникнемъ въ это описаніе Діонисія Галикарнасскаго и сопоставимъ его съ разказомъ Ливія о томъ, что еще въ 396 г., сейчасъ послѣ взятія Веій, римскіе плебеи хотѣли покинуть Римъ и переселиться въ завоеванный этрусскій городъ [2]), то мы не можемъ не придти къ заключенію, что описаніе Діонисія и разказъ Ливія относятся къ одному и тому же факту, вѣроятно вполнѣ историческому, и что большинство тогдашнихъ римлянъ считало Веія городомъ, заслуживавшимъ предпочтенія предъ Римомъ, не только по причинѣ бо́льшаго количества и плодородія принадлежавшихъ ему полей, но и по причинѣ лучшаго мѣстоположенія и болѣе здороваго климата. Подобнаго же мнѣнія о нездоровости климата Рима и его окрестностностей были также тѣ римскія войска, которыя, по разказу Ливія (а также Діонисія Галикарнасскаго), зимою $^{343}/_{2}$ г. до Р. Хр. взбунтовались въ Капуѣ, требуя, чтобы этотъ городъ и принадлежавшія ему поля были предоставлены въ ихъ полное владѣніе: „Ибо"—говорили римскіе солдаты—„на какомъ основаніи плодороднѣйшія поля Италіи и достойный такихъ полей городъ должны ско-

---

[1]) Dionys. Hal. Antiq. exc. ex l. XII, 15 (21) ed. Kiessl.: Ἦν δὲ ἡ Οὐιεντανῶν πόλις οὐδὲν ὑποδεεστέρα τῆς Ῥώμης ἐνοικεῖσθαι, γῆν τε πολλὴν καὶ πολύκαρπον ἔχουσα, τὴν μὲν ὀρεινήν, τὴν δὲ πεδιάδα, καὶ τὸν περικείμενον ἀέρα καθαρώτατον καὶ πρὸς ὑγίειαν ἀνθρώποις ἄριστον, οὔτε ἕλους πλησίον ὄντος, ὅθεν ἕλκονται βαρεῖς ἀτμοὶ καὶ δυσώδεις, οὔτε ποταμοῦ τινος ψυχρὰς ἕωθεν ἀνιέντος αὔρας, ὑδάτων τε οὐ σπανίων ὄντων οὐδ' ἐπακτῶν, ἀλλὰ αὐθιγενῶν καὶ πλουσίων καὶ πίνεσθαι κρατίστων.

[2]) Ливій V, 24, 5 влагаетъ плебеямъ въ уста слѣдующія слова: cur... relegari plebem in Volscos, cum pulcherrima urbs Vei agerque Veientanus in conspectu sit, uberior ampliorque Romano agro? Затѣмъ онъ разказываетъ (§ 6—8): urbem quoque [Veios] urbi Romae vel situ vel magnificentia publicorum privatorumque tectorum ac locorum praeponebant. quin illa quoque actio movebatur, quae post captam utique Romam a Gallis celebratior fuit, transmigrandi Veios. ceterum partim plebi, partim senatui destinabant habitandos Veios duasque urbes communis rei publicae incoli a populo Romano posse.

рѣе принадлежать кампанцамъ, не умѣющимъ защитать ни себя, ни своего имущества, чѣмъ намъ самимъ, которые явились сюда побѣдителями и своимъ потомъ и своей кровью прогнали отсюда Самнитовъ? Справедливо ли, чтобы подвластные намъ жители наслаждались плодородіемъ и прелестью этой области, сами же мы, утомленные войною, бились и мучились *на нездоровой и тощей почвѣ, окружающей городъ Римъ,* или терпѣля засѣвшую въ немъ заразу ежедневно увеличивающейся массы болотъ?" [1]).

Справедливость этихъ отзывовъ о нездоровомъ климатѣ или нездоровой почвѣ, окружавшей древнѣйшій и республиканскій Римъ, подтверждается и другими данными. Если Фестъ сообщаетъ [2]), что у римлянъ существовалъ, очевидно съ древнѣйшихъ временъ, обычай, при люстраціи полей произносить молитву объ избавленіи не только отъ „болѣзни, смерти, чумы, тумана и проказы", но и отъ „эпидеміи", то подъ этой послѣдней мы, вѣроятно, должны подразумѣвать главнымъ образомъ маларійную эпидемію, которая по временамъ появлялась въ разныхъ нездоровыхъ отъ природы мѣстностяхъ, населенныхъ римлянами. Къ числу этихъ нездоровыхъ мѣстностей, по опредѣленному свидѣтельству анналистовъ, сообщенному намъ Колумеллою [3]), въ третьемъ столѣтіи до Р. Хр. принадлежала въ Лаціумѣ Пупинійская область (находившаяся между Тускулумомъ, Габіями и Римомъ—ср. Феста p. 233 (b) 21 sqq. M. и Ливія IX, 41, 10 и

---

[1]) Ливій VII, 38, 6—7: cur... potius Campani agrum Italiae uberrimum, dignam agro urbem, qui nec se nec sua tutari possent, quam victor exercitus haberet, qui suo sudore ac sanguine inde Samnites depulisset? an aequum esse, dediticios suos illa fertilitate atque amoenitate perfrui, se militando fessos *in pestilenti atque arido circa urbem solo luctari* aut in urbe insidentem tabem crescentis in dies faenoris pati?—Ср. Діонисія Галикарнасскаго, который слѣдующимъ образомъ описываетъ Кампанскую область (Antiq. Exc. ex l. XV, 3 ed. Kiessl.): Πολυτελὴς δὲ καὶ ἁβροδίαιτος ἱκανῶς τοῖς Καμπανίαν οἰκοῦσι καὶ νῦν ἐστι καὶ τότε ἦν ὁ βίος, καὶ πάντα τὸν λοιπὸν ἔσται χρόνον, πολύκαρπόν τε πεδιάδα καὶ πολύβοτον καὶ πρὸς ὑγίειαν ἀνθρώποις γεωργοῦσιν ἀρίστην οὖσαν. Въ виду такихъ преимуществъ Кампанской области, римскіе солдаты взбунтовались и—такъ продолжаетъ Діонисій свой разказъ—συνιόντες ἀλλήλοις ἔλεγον ὡς ἀνοήτων ἀνθρώπων ποιήσουσιν ἔργον, εἰ τοσαύτην καταλιπόντες εὐδαιμονίαν ἐπὶ τὸν ἐν Ῥώμῃ βίον ἀνακάμψουσιν, ἔνθα λυπρὰ μὲν ἡ γῆ, πολλαὶ δὲ εἰσφοραὶ κ. τ. λ.

[2]) Festus p. 210 (a), 19 sqq. M.: Pesestas inter alia quae inter precationem dicuntur, cum fundus lustratur, significare videtur pestilentiam, ut intelligi ex ceteris potest, quom dicitur: „Avertas morbum, mortem, labem, impetiginem".

[3]) Columella, De re rust. I, 4, 2—3, а также Plinius, N. H. XVIII, 5. 27 (см. ниже на стр. 95, прим. 1, гдѣ приведены эти свидѣтельства).

XXVI, 9, 12), въ которой М. Атилій Регулъ владѣлъ небольшимъ поземельнымъ участкомъ, отличавшимся нездоровой и безплодной почвою. Узнавши по опыту всю невыгодность такого имѣнія, Регулъ, какъ говорятъ, настоятельно и авторитетно совѣтовалъ своимъ современникамъ—земледѣльцамъ не пріобрѣтать ни такихъ земель, которыя, хотя весьма плодородны, но нездоровы, ни такихъ, которыя, хотя вполнѣ здоровы, но за то безплодны. Подобно ему, и древнѣйшій изъ римскихъ писателей по агрономіи, извѣстный своей патріархальной строгостью Катонъ Цензорій, въ своемъ сочиненіи De re rustica, которое онъ предназначилъ для сельскихъ хозяевъ преимущественно Лаціума (въ частности для Л. Манлія, имѣвшаго помѣстьѣ при Казинѣ, а также при Венафрѣ), нѣсколько разъ совѣтуетъ всѣмъ желающимъ купить имѣніе, обратить свое главное вниманіе на то, чтобъ оно лежало въ здоровой мѣстности, пользующейся не гибельнымъ, а хорошимъ воздухомъ [1]). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что такой настоятельный совѣтъ былъ вызванъ большимъ количествомъ встрѣчавшихся уже тогда, какъ вообще въ Италіи, такъ

---

[1]) Cato De agri cultura (ed. Keil), въ особ. c. I, 1—3: Praedium quom parare cogitabis, sic in animo habeto, uti... *bonum caelum habeat*, *ne calamitosum siet*. solo bono, sua virtute valeat. si poteris, sub radice montis siet, in meridiem spectet, *loco salubri*... Въ c. XIV, 5 Катонъ тоже противополагаетъ нездоровой мѣстности здоровую, говоря слѣдующее: *loco salubri* bono domino haec quae super pretia posita sunt: ex signo manipretium erit. *loco pestilenti*, *ubi aestate fieri non potest*, bono domino pars quarta preti accedat. Наконецъ, если Катонъ въ 155-й главѣ своего сочиненія настоятельно требуетъ, чтобы землевладѣлецъ заботился о хорошемъ состояніи и правильной функціи проведенныхъ имъ въ своемъ имѣніи водоспускныхъ канавъ, и при этомъ указываетъ на то, что наибольшая опасность со стороны воды грозитъ ранней осенью, когда земля суха и пыльна—prima autumnitate cum pulvis est, tum maxime ab aqua periculum est—то мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что нашъ авторъ здѣсь имѣетъ въ виду главнымъ образомъ опасное дѣйствіе маларіи, которая, какъ мы уже видѣли, наиболѣе свирѣпствуетъ въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, то-есть, въ ту пору года, когда послѣ жаркаго и сухаго лѣта наступаютъ первые осенніе дожди, дающіе землѣ ту влагу, которая является однимъ изъ необходимыхъ условій для развитія маларіи. Изъ словъ Колумеллы (1, 4, 1) приведенныхъ ниже (стр. 95 прим. 1) можно было бы заключить, что еще раньше Катона о земледѣліи писалъ нѣкій Цезоній, такъ какъ ему приписываютъ такіе же совѣты относительно пріобрѣтенія имѣній въ здоровыхъ и плодородныхъ мѣстностяхъ, какіе вслѣдъ за нимъ давалъ Катонъ. Однако мы ничего не знаемъ ни о самомъ этомъ Цезоніѣ, ни объ его литературной дѣятельности, и поэтому вѣроятнѣе, что упомянутое Калумеллою „praeceptum Caesonianum, quo fertur usus etiam Cato Marcus“, было словесное, а не письменное.

и въ частности въ Лаціумѣ, нездоровыхъ вслѣдствіе маларіи мѣстностей. Такія же совѣты давалъ своимъ согражданамъ и Варронъ— почти черезъ полтораста лѣтъ послѣ Катона,—а примѣру этихъ двухъ писателей послѣдовали затѣмъ и Колумелла, Плиній Старшій и другіе агрономы, имѣвшіе въ виду главнымъ образомъ Италію и италійское земледѣліе. Вотъ что Варронъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своихъ книгъ о сельскомъ хозяйствѣ, написанныхъ въ 37 г. до Р. Хр.: „Наиболѣе полезно такое имѣніе, которое находится въ болѣе здоровой мѣстности, чѣмъ другія имѣнія. Только изъ него можно получать вѣрный доходъ; напротивъ, въ имѣніи, находящемся въ нездоровой мѣстности, какъ бы плодородно оно ни было, дурныя гигіеническія условія не даютъ поселенцу достигнуть доходовъ. Вѣдь, гдѣ приходится считаться съ Оркомъ (то-есть, со смертью), тамъ не только доходы, но и жизнь землевладѣльцевъ не обезпечены. Поэтому и хозяйничанье въ такой нездоровой мѣстности есть ничто иное, какъ азартная игра, при которой владѣлецъ рискуетъ жизнью и имуществомъ“ [1]).

---

[1]) Varro De re rust. I, 4, 3—4 (ed. Keil): utilissimus autem is ager, qui *salubrior* est quam alii, quod ibi fructus certus; contra [quod] *in pestilenti* calamitas, quamvis in feraci agro, colonum ad fructus pervenire non patitur. etenim ubi ratio cum orco habetur, ibi non modo fructus est incertus, sed etiam colentium vita. quare ubi salubritas non est, cultura non aliud est atque alea domini vitae ac rei familiaris. Подобную мысль высказываетъ Варронъ и I, 2, 8: duo in primis spectasse videntur Italici homines colendo, possentne fructus pro inpensa ac. labore redire et utrum *saluber locus* esset an non. quorum si alterutrum decolat et nihilo minus quis vult colere, mente est captus atque ad agnatos et gentiles est deducendus. nemo enim sanus debet velle inpensam ac sumptum facere in cultura, si videt non posse refici, nec si potest reficere fructus, si videt eos fore ut *pestilentia* dispereant.—Сравни также I, 12, 1—2: danda opera, ut potissimum rub radicibus montis silvestris villam ponat,... ita ut contra ventos, qui *saluberrimi* in agro flabunt... sin cogare secundum flumen aedificare, curandum ne adversam eam ponas: hieme enim fiet vehementer frigida et aestate *non salubris*. advertendum etiam, si qua erunt loca palustria, et propter easdem causas, te quod *crescunt animalia quaedam minuta, quae non possunt oculi consequi, et per aera intus in corpus per os ac nares perveniunt atque efficiunt difficilis morbos*. Fundanus, Quid potero, inquit, facere, si istius modi mi fundus hereditati obvenerit, quo minus *pestilentia* noceat. Istuc vel ego possum respondere, inquit Agrius: vendas, quot assibus possis, aut si nequeas, relinquas. Это мѣсто интересно еще потому, что оно показываетъ, что уже Варронъ имѣлъ нѣкоторое, хотя только интуитивное, представленіе о маларійныхъ плазмодіяхъ, существованіе которыхъ было доказано въ наше время изслѣдованіями Лаверана и другихъ.—Не будетъ лишнимъ привести здѣсь также слѣдующія

Какъ велико уже въ республиканскій періодъ было количество встрѣчавшихся и въ Лаціумѣ, и въ остальной Италіи нездоровыхъ вслѣдствіе маларіи мѣстностей, мы можемъ заключить также изъ того обстоятельства, что въ 63 г. до Р. Хр. аграрный законъ Сервилія

мѣста изъ сочиненій Колумеллы, Плинія Старшаго и Палладія: Columella, De re rustica (ed. Schneider) I, 3, 1—2: Porcius quidem Cato censebat in emendo inspiciendoque agro praecipue duo esse consideranda, *salubritatem caeli* et ubertatem loci: quorum si alterum deesset, ac nihilo minus quis vellet incolere, mente esse captum, atque cum ad agnatos et gentiles deducendum. Neminem enim sanum debere facere sumptus in cultura sterilis soli: nec rursus *pestilenti* quamvis feracissimo pinguique agro dominum ad fructus pervenire. Nam ubi sit cum orco ratio ponenda, ibi non modo perceptionem fructuum, sed et vitam colonorum esse dubiam vel potius mortem quaestu certiorem. (Эти слова приведены Колумеллою не изъ сочиненія Катона, а изъ сочиненія Варрона—см. выше).—I, 4, 1—3: Sequitur deinceps Caesonianum praeceptum, quo fertur usus etiam Cato Marcus, agrum esse revisendum saepius eum, quem velis mercari. Nam prima inspectione neque vitia neque virtutes abditas ostendit, quae mox retractantibus facilius apparent. Inspectionis quoque velut formula nobis a maioribus tradita est agri pinguis ac laeti: de cuius qualitate dicemus suo loco, cum de generibus terrae disseremus. (§ 2) In universum tamen quasi testificandum atque saepius praedicandum habes, quod primo iam Punico bello dux inclutissimus M. Atilius Regulus dixisse memoratur, fundum sicuti ne foecundissimi quidem soli, cum sit *insalubris*, ita nec effoeti, si vel saluberrimus sit, parandum: quod Atilius aetatis suae agricolis maiore cum auctoritate suadebat peritus usu. (§ 3) nam *Pupiniae pestilentis* simul et exilis agri cultorem fuisse eum loquuntur historiae. Quapropter cum sit sapientis non ubique emere, nec aut ubertatis illecebris aut deliciarum concinnitate decipi: sic vere industrii patris familias est quidquid aut emerit aut acceperit, facere fructuosum atque utile: quoniam et *gravioris caeli* multa remedia priores tradiderunt, quibus mitigetur *pestifera lues*, et in exili terra cultoris prudentia ac diligentia maciem soli vincere potest.—I, 9, 5,: Quod inchoatur aedificium, sicuti *salubri regione*, ita *saluberrima* parte regionis debet constitui. Nam *circumfusus aer corruptus* plurimas affert corporibus nostris causas offensarum.

О безплодности и нездоровости мѣстности Пупиніи говорятъ также Варронъ (De re rust. I, 9, 5, гдѣ Pupinia называется terra macra), Цицеронъ (De lege agr. II, 35, 96, гдѣ ager Vaticanus, отличавшійся, какъ извѣстно, своей скудной и нездоровой почвою — ср. Tac. Hist. II, 93, и Pupinia противополагаются плодороднымъ (и здоровымъ) полямъ Кампаніи) и Валерій Максимъ (IV, 4, 4, гдѣ Pupiniae solum, принадлежавшее Атиліямъ, называется sterile atque aestuosissimum).

Plinius N. H. XVIII, 5, 26 sq.: Principium autem a Catone sumemus: Fortissimi viri et milites strenuissimi ex agricolis gignuntur minimeque male cogitantes. Praedium ne cupide emas. in re rustica operae ne parcas, in agro emendo minime. quod male emptum est semper paenitet. agrum paraturos ante omnia intueri oportet aquam, viam, vicinum. Singula magnas interpretationes habent nec dubias. (§ 27) Cato in conterminis hoc amplius aestimari iubet, quo pacto niteant; in *bona*

Рулла, предлагавшій учредить колоніи въ разныхъ мѣстахъ Италіи, не могъ быть проведенъ отчасти потому, что Цицеронъ въ своихъ рѣчахъ объ этомъ законѣ показалъ, что кромѣ земель въ Капуанской и Стеллатинской областяхъ Руллъ и его клевреты хотѣли пріобрѣсти для колонистовъ только такія земли, которыя или были отсрочены вслѣдствіе того, что когда то были отняты Суллою у прежнихъ владѣльцевъ, или же никуда не годились вслѣдствіе того, что были пустынны и необработаны по причинѣ своей безплодности и нездоровости [1]).

---

enim inquit, *regione bene nitent*. Atilius Regulus ille Punico bello bis consul aiebat neque fecundissimis locis *insalubrem* agrum parandum, nec effetis saluberrimum. *Salubritas loci* non semper incolarum colore detegitur, quoniam adsueti etiam *in pestilentibus* durant. praeterea sunt quaedam partibus anni *salubria*, nihil autem salutare est nisi quod toto anno salubre est. Malus est ager cum quo dominus luctatur. Наконецъ Palladius, De re rust. (ed. Schneider) I, 2, sq.: Primo igitur eligendi et bene colendi agri ratio quatuor rebus constat: aere, aqua terra, industria. Ex histria naturalia, unum facultatis et voluntatis. Naturae est, quod in primis spectare oportet, ut eis locis quae colere destinabis, aer sit *salutaris* et clemens, aqua salubris et facilis, vel ibi nascens, vel adducta, vel imbre collecta. terra vero foecunda et situ commoda (§ 3) *Aeris igitur salubritatem* declarant loca ab infimis vallibus libera et nebularum noctibus absoluta, et habitatorum considerata corpuscula, si eis color sanus, capitis firma sinceritas, inoffensum lumen oculorum, purus auditus, et si fauces commeatum liquidae vocis exercent. Hoc genere benignitas aeris approbatur. His autem contraria *noxium caeli illius spiritum* confitentur.

Въ заключеніе я не могу не указать здѣсь также на нѣсколько мѣстъ сочиненія Витрувія De architectura (написаннаго около 14 г. до Р. Хр.), въ которыхъ этотъ архитекторъ временъ Цезаря и Августа, подобно названнымъ выше агрономамъ, настаиваетъ на томъ, чтобы при выборѣ мѣстности для постройки домовъ, храмовъ и цѣлыхъ городовъ обращали главное вниманіе на здоровость ея, обусловливаемую характеромъ почвы, воздуха и вообще климата (ср. I, 1, 10; 2, 7; 4, 1; 4, 4; 4, 8), и чтобы, поэтому, больше всего избѣгали близости вредныхъ болотъ. Cum enim aurae matutinae, говоритъ Витрувій (I, 4. 1), cum sole oriente ad oppidum pervenient et his ortae nebulae adiungentur spiritusque bestiarum palustrium venenatos cum nebula mixtos in habitatorum corpus flatu spargent, efficient *locum pestilentem*.—Не подлежитъ сомнѣнію, что такое мнѣніе могло быть высказано Витрувіемъ не только по отношенію къ мѣстности Помптинскихъ болотъ, о нездоровости которой онъ упоминаетъ въ особенности (I, 4, 12), но и, хотя въ меньшей степени, по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ мѣстностямъ римской Кампаньи и къ самому городу Риму, внутри и внѣ котораго находилось не мало сырыхъ низменностей и даже болотистыхъ мѣстъ.

[1]) Cic. De lege agr. II, 36, 9 говоритъ: haec tu (Руллъ) cum istis tuis auctoribus excogitasti, ut... partim invidiosos agros a Sullanis possessoribus, partim *desertos ac pestilentes* a vestris necessariis et a vobismet ipsis emptos quanti vel-

Слишкомъ общимъ, поверхностнымъ и оптимистическимъ, поэтому, намъ долженъ показаться тотъ хвалебный отзывъ, который однимъ греческимъ писателемъ временъ перехода римской республики въ имперію, Діонисіемъ Галикарнасскимъ, былъ сдѣланъ объ Италіи (въ особ. южной и средней), и въ которомъ эта страна называется наисчастливѣйшей изъ всѣхъ странъ міра, „полною всякой прелести и пользы“, потому де что не только обиліе и разнообразіе всѣхъ ея продуктовъ, но и умѣренность ея климата дѣлаютъ изъ нея весьма пріятное для людей мѣстожительство [1].

---

letis populo Romano induceretis: ut omnia municipia coloniasque Italiae novis colonis occuparetis: ut quibuscumque in vobis vobis videretur ac quam multis videretur colonias collocaretis. — То же самое высказываетъ Цицеронъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ рѣчей De lege agraria, напримѣръ, I, 5, 15: locupletatis aut invidiae aut *pestilentiae* possessoribus, agri tamen emantur. II, 26, 70: ad hanc empitonem decemviralem dus genera agrorum spectant, Quirites. Eorum unum propter invidiam domini fugiunt, alterum propter *vastitatem*. Sullanus ager a certis hominibus latissime continuatus tantam habet invidiam, ut veri ac fortis tribuni plebis stridorem unum perferre non possit. Hic ager omnis, quoquo pretio emptus erit. tamen ingenti pecunia nobis inducetur. Alterum genus agrorum, propter sterilitatem incultum, *propter pestilentiam castum atque desertum*, emetur ab eis, qui eos vident sibi esse, si non vendiderint, relinquendos. Объ аграрномъ законѣ Рулла вообще ср. Drumann, Geschichte Roms, III, 147—159.

[1]) Dionys. Halic. I, 36: οὐ μόνον τῆς Εὐρώπης, ἀλλὰ καὶ τῆς ἄλλης ἁπάσης κρατίστη κατ' ἐμὴν δόξαν ἐστὶν Ἰταλία. καίτοι με οὐ λέληθεν ὅτι πολλοῖς οὐ πιστὰ δόξω λέγειν, ἐνθυμουμένοις Αἴγυπτόν τε καὶ Λιβύην καὶ Βαβυλῶνα καὶ εἰ δή τινες ἄλλοι χῶροί εἰσιν εὐδαίμονες· ἀλλ' ἐγὼ τὸν ἐκ γῆς πλοῦτον οὐκ ἐν μιᾷ τίθεμαι καρπῶν ἰδέᾳ οὐδ' εἰσέρχεταί με ζῆλος οἰκήσεως, ἐν ᾗ μόνον εἰσὶν ἄρουραι πίονες, τῶν ἄλλων οὐδὲν ἢ βραχύ τι χρήσιμον, ἀλλ' ἥτις ἂν εἴη πολυαρκεστάτη τε καὶ τῶν ἐπεισάκτων ἀγαθῶν ἐπὶ τὸ πολὺ ἐλάχιστον δεομένη, ταύτην κρατίστην εἶναι λογίζομαι. τοῦτο δὲ τὸ παμφόρον καὶ πολυωφελὲς παρ' ἡντινοῦν ἄλλην γῆν Ἰταλίαν ἔχειν πείθομαι. Сказавъ затѣмъ (I, 37), что οὐδ' ἄν τις αὐτὴν φαίη πολύκαρπον μὲν εἶναι καὶ πολύδενδρον καὶ πολύβοτον, ἐνδιαίτημα δ' ἀνθρώποις ὑπάρχειν ἄχαρι· ἀλλ' ἔστι πάσης ὡς εἰπεῖν ἡδονῆς τε καὶ ὠφελείας ἔκπλεως, и указавъ въ частности на плодородіе Кампаніи, дающей три жатвы въ годъ, на богатство масличныхъ садовъ въ Мессапской, Давнійской и Сабинской, а виноградниковъ въ Этрусской, Альбанской и Фалернской областяхъ, далѣе на множество пастбищъ, кормящихъ многочисленныя стада лошадей и всякаго скота, на обиліе лѣсовъ, рѣкъ, теплыхъ цѣлебныхъ водъ и другихъ естественныхъ богатствъ, Діонисій заканчиваетъ свой панегирикъ объ Италіи слѣдующими словами (I, 37 extr): ἁπάντων δὲ κάλλιστον (ἔχει Ἰταλία) ἀέρα κεκραμένον ταῖς ὥραις συμμέτρως, οἷον ἥκιστα πημαίνειν κρυμῶν ὑπερβολαῖς ἢ θάλπεσιν ἐξαισίοις καρπῶν τε γένεσιν καὶ ζῴων φύσιν. Если многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей римской Кампаньи и въ числѣ ихъ даже Мольтке въ своихъ Wanderungen um Rom (въ Deutsche Rundschau, томъ XIX (1879, стр. 38), ссылаются главнымъ образомъ на это сужденіе Діонисія, чтобы доказать, что

Нѣсколько болѣе объективнымъ, основательнымъ и согласнымъ съ дѣйствительностью, чѣмъ панегирикъ, воспѣтый Діонисіемъ Италіи, представляется сужденіе извѣстнаго греческаго географа Страбона о Лаціумѣ, сужденіе, по которому вся эта область была богата и плодородна, за исключеніемъ немногихъ болотистыхъ и нездоровыхъ мѣстностей, лежащихъ на берегу моря, какъ напримѣръ Ардея и ея окрестности, далѣе вся мѣстность между Анціумомъ и Ланувіумомъ до Пометіи, наконецъ нѣкоторыхъ пунктовъ въ окрестностяхъ городовъ Сеціи и Таррацины, а также Цирцейскаго мыса [1]).—Какъ

малярія была чужда древнему Риму, то это служитъ только доказательствомъ того, какъ легкомысленно иногда обращаются съ свидѣтельствами древнихъ писателей. — Подобно Діонисію Галикарнасскому, и Витрувій впадаетъ въ ошибку односторонности, когда, восхваляя умѣренность климата Италіи, умалчиваетъ о томъ недугѣ, который въ видѣ маларіи, уже тогда тяготѣлъ надъ многими мѣстностями Италіи (De arch. VI, 1,10 sq.): veros inter spatium totius orbis terrarum regionesque medio mundi populus Romanus possidet fines. namque temperatissimae ad utramque partem et corporum membris animorumque vigoribus pro fortitudine sunt in Italia gentes. quemadmodum enim Iovis stella inter Martis ferventissimam et Saturni frigidissimam media currens temperatur, eadem ratione Italia inter septentrionalem meridianamque ab utraque parte mixtionibus temperatas et invictas habet laudes.... ita divina mens civitatem populi Romani egregia temperataque regione conlocavit ut orbis terrarum imperii potiretur.

[1]) Strabo V, 3, 5 p. 231 говоритъ о Лаціумѣ: Ἅπασα δ' ἐστὶν εὐδαίμων καὶ παμφόρος, πλὴν ὀλίγων χωρίων τῶν κατὰ τὴν παραλίαν, ὅσα ἑλώδη καὶ νοσερά, οἷα τὰ τῶν Ἀρδεατῶν καὶ τὰ μεταξὺ Ἀντίου καὶ Λανουίου μέχρι Πωμεντίνου καὶ τινων τῆς Σητίνης χωρίων καὶ τῆς πέρὶ Ταρρακῖναν καὶ τὸ Κιρκαῖον ἢ εἴ τινα ὀρεινὰ καὶ πετρώδη. V, 3, 12 p. 239: Τοῦσκλον ἐνταῦθα ἐστὶ λόφος εὔγεως καὶ εὔυδρος... συνεχῆ δ' ἐστὶ καὶ τὰ τῷ Ἀλβανῷ ὄρει ὑποπίπτοντα, τὴν αὐτήν τε ἀρετὴν ἔχοντα καὶ κατασκευήν. ἐφεξῆς δ' ἐστὶ πεδία, τὰ μὲν πρὸς τὴν Ῥώμην συνάπτοντα καὶ τὰ προάστεια αὐτῆς, τὰ δὲ πρὸς τὴν θάλατταν· τὰ μὲν οὖν πρὸς τὴν θάλατταν ἧττόν ἐστιν ὑγιεινά, τὰ δὲ ἄλλα εὐάγωγά τε καὶ παραπλησίως ἐξησκημένα. Въ этихъ послѣднихъ «равнинахъ», однако, находилась напримѣръ Пупинійская область, которая, какъ мы видѣли выше, уже въ 3-мъ столѣтіи до Р. Хр. считалась весьма нездоровой. Пересчитывая мѣстности Лаціума, изъ которыхъ набраны были отряды римскаго войска, отправившагося въ 216 г. до Р. Хр. на войну съ Ганнибаломъ, Силій Италикъ, подобно Страбону, свидѣтельствуетъ о нездоровости Помптинскихъ болотъ и лежащихъ близъ нихъ городовъ (Punic. VIII. 376 sqq).

At quos ipsius mensis seposta Lyaei
Setia et incelebri miserunt valle Velitrae,
Quos Cora, quos spumans inmiti Signia musto,
Et quos pestifera Pomptini uligine campi,
Qua Saturae nebulosa palus restagnat, et atro

бы основательно, однако, Страбонъ ни изучалъ Италію во время своего почти пятилѣтняго (начиная съ 29 г. до Р. Хр.) пребыванія въ этой странѣ и въ особенности въ Римѣ, мнѣ кажется очевиднымъ, что и его сужденіе о Лаціумѣ не представляетъ намъ вполнѣ точной и вѣрной картины климатически-гигіеническаго состоянія этой области и ея столицы. Въ дѣйствительности это состояніе оказывалось еще болѣе неблагопріятнымъ, чѣмъ можно заключить изъ словъ Страбона, и маларія, которая, должно быть, наиболѣе свирѣпствовала въ названныхъ имъ мѣстностяхъ Лаціума, навѣрное не чужда была также другимъ мѣстностямъ этой области и самой столицѣ.

Весьма вѣскимъ доказательствомъ этому служитъ приведенное Целіемъ Авреліаномъ свидѣтельство знаменитаго виеинскаго врача Асклипіада, практиковавшаго въ Римѣ въ началѣ 1-го вѣка до Р. Хр., о томъ, что въ Римѣ весьма часто наблюдались случаи заболѣванія ежедневными лихорадками, отличавшимися притомъ каталептическимъ или летаргическимъ характеромъ и нерѣдко имѣвшими смертельный исходъ [1]). Такимъ же доказательствомъ нема-

---

Liventis coeno per squalida turbidus arva
Cogit aquas Ufens atque inficit aequora limo.

Ср. также Vergil. Aen. VII, 801 sq.:

Qua Saturae iacet atra palus gelidusque per imas
Quaerit iter valles atque in mare conditur Ufens.

[1]) Caelius Aurelianus, De morbis acutis et chronicis (rec. Amman, Amstelodami 1722) lib. II, c. 10 (De apprehensione vel oppressis, quos Graeci catalepto s appellant), § 63: Item Asclepiades ait quotidianum (typum febris) perseverantem non sine periculo esse, atque multos ex eo in alium morbum induci, hoc est corporis defluxionem aut hydropen (о водянкѣ ср. также приведенное выше свидѣтельство Галена (ed. Kühn tom. XI, p. 328) venire, et quidquid potest per corporis debilitatem accedere. Apud Romanos vero, inquit, frequentare advertimus has febres cum corporis atque mentis oppressione, in similitudinem lethargiae, quae secundo vel tertio in statu accessionis constitutae statim recalefacto corpore, vel cessante vehementia, in resumptionem atque resurrectionem mediocrem vocant aegrotantes. At si levi figmento cessaverint, semel apprehenso aegro nullam resurrectionem aegro dabunt, sed in sudores et respirationem celerem, in pulsum febricitantem desinunt ac occidunt. (§ 64) Item similia de his scribit, et non semel, sed frequenter, dicens certa ratione mentis apprehensionem typorum in accessionibus fieri atque hos apud Romam frequentare, dans etiam causas, quibus haec singula fiunt.

Однако не только febris quotidiana, но и другія формы маларійной лихорадки какъ quartana и tertiana, были знакомы уже жителямъ древнѣйшаго и республиканскаго Рима. Кромѣ общихъ свидѣтельствъ, которыя это доказываютъ, и кото-

лаго расспространенія еще въ древнѣйшемъ Римѣ эндемической маларіи служитъ то обстоятельство, что подобно тому, какъ жители средневѣковаго Рима на Ватиканѣ почитали Мадонну Лихорадокъ (Madonna delle Febbri) [1]), такъ и древнѣйшіе Римляне почитали не только Лихорадку (Febris) вообще, но и четырехдневныя и, по видимому, также трехдневныя перемежающіяся лихорадки (Quartanae и Tertianae) [2]) въ частности, какъ богинь, а для умилостивленія ихъ

рыя мы приводимъ ниже, древніе писатели оставили намъ даже извѣстія объ отдѣльныхъ случаяхъ заболѣванія одной изъ этихъ формъ маларійной лихорадки, случившихся уже въ республиканскій періодъ и, по видимому, въ самомъ Римѣ. Такъ напримѣръ, Светоній разсказываетъ (Div. Jul. 1), что молодой Цезарь, когда преслѣдованія диктатора Суллы заставляли его бѣжать изъ Рима и (согласно свидѣтельству Плутарха, Caes. 1) искать убѣжища въ Сабинской области, сильно страдалъ четырехдневной перемежающейся лихорадкой.—Разказъ Плинія Старшаго (N. H. VII, 50, 166) о томъ, что Q. Fabius Maximus consul (въ 121 г. до Р. Хр.) ad flumen Isaram proelio commisso adversus Allobrogum Arvernorumque gentes... febri quartana liberatus est in acie, не имѣетъ для насъ интереса, такъ какъ во 1) Плиній не сообщаетъ, гдѣ именно Кв. Фабій заболѣлъ «квартаной», а во 2) Аппіанъ, кажется, противорѣчитъ Плинію, разказывая (Celt. 1, 2), что Фабій сражался πιεζόμενος ὑπὸ τραύματος ὑπογυίου.

По всей вѣроятности, въ упоминаемой нѣсколько разъ у древнѣйшихъ римскихъ писателей querquera febris, которая, по объясненію грамматиковъ, была «febris acra, quae cum magno frigore solet venire» (глоссарій у Loewe, Prodromus corp. gloss. lat. p. 327.—Ср. также Festus p. 257 (b), 24 sqq M. и Paulus p. 256, 11 sq. M.) мы должны усматривать одну изъ формъ маларійной болѣзни, такъ какъ Плавтъ (Frivolaria fr. 2 ed. Winter, привед. у Присціана I, p. 271,1 H.: is mihi erat bilis [is] aqua intercus, [is erat] tussis querquera) сопоставляетъ ее съ желтухой и съ водянкой, т. е. съ такими болѣзнями, которыя, какъ мы уже видѣли, въ Римѣ являлись обыкновенными послѣдствіями маларійной лихорадки. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ приведенныхъ словъ Плавта, а также изъ произнесеннаго поэтомъ Луциліемъ (satir. fr. II, 8 изд. Müller'a) надъ извѣстнымъ (изъ схоліи къ Горацію, Sat. I, 8, 11 и I, 1, 102) кутилой Л. Кассіемъ Номентаномъ, проклятія: qui te Nomentane, malum iam cercera (=querquera) perdat!, мы можемъ заключить, что эта форма маларійной болѣзни была весьма знакома Римлянамъ (ср. еще Луцил. sat. fr. inc 35: Iactans me ut febris querquera и 37: Querquera consequitur capitisque dolores).

[1]) Ср. De Matthaeis, Sul culto reso dagli antichi Romani alla dea Febbre (въ Atti d. Acad. rom. d'arch. I (1821) 1, стр. 465, а также Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter I, 307.

[2]) См. Theodori Prisciani lib. IV ad Eusebium filium de physica scientia (въ Medici ant. Lat. ed. Aldina, Venet. 1547, fol. 310v): Quartanas Saturni filias affirmavit antiquitas (Ср. ниже на стр. 103, прим. 1).—Ср. также Cicero, De nat. deor. III, 10, 24. гдѣ академику Коттѣ, опровергающему народныя представленія стоиковъ о божествахъ, влагаются въ уста слѣдующія слова: Vide, quaeso,

сооружали нѣсколько капищъ, посвященныхъ „Лихорадкѣ". Три такихъ капища существовали еще во 1-мъ вѣкѣ по р. Хр., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ современный императору Тиберію историкъ Валерій Максимъ [1]), по словамъ котораго одно капище богини Лихорадки помѣщалось на Палатинскомъ холмѣ, другое на площади Маріевыхъ трофеевъ, находившейся, по видимому, на Эсквилинѣ (ср. Jor-

si omnis motus omniaque, quae certis temporibus ordinem suum conservant, divin dicimus, ne tertianas quoque febres et quartanas divinas esse dicendum sit, quarum reversione et motu quid potest esse constantius?—О надписяхъ, посвященныхъ богинямъ Quartana и Tertiana см. ниже на стр. 104 сл. прим. 6.—Почитаніе богинь Quartanae какъ дочерей Сатурна, бога земли и земледѣлія, показываетъ, что уже древнѣйшіе Римляне (и вообще Латины) догадались о причинной связи, существующей, по новѣйшей теоріи Klebs'а и Tommasi-Crudeli, между землею и зарождающеюся въ ней маларіею. Весьма интересны въ этомъ отношеніи также слѣдующіе стихи Лукреція (De rerum nat. VI, 1096—1100 изд. Бернайса), въ которыхъ, рядомъ съ болѣзнями и эпидеміями, появляющимися, подобно облакамъ неба, извнѣ и сверху, отмѣчаются такія болѣзни и эпидеміи, которыя зарождаются изъ земли, коль скоро внезапные дожди и солнечная жара подвергаютъ эту послѣднюю гніенію:

atque ea vis omnis morborum pestilitasque
aut extrinsecus ut nubes nebulaeque superne
per caelum veniunt, aut ipsa saepe coortae
de terra surgunt, ubi putorem umida nactast
intempestivis pluviisque et solibus icta.

Очевидно эти слова Лукреція относятся, главнымъ образомъ, къ маларіи и содержатъ, такимъ образомъ, антиципацію нѣкоторыхъ положеній изложенной нами выше (на стр. 3—4) теоріи Klebs'а и Tommasi-Crudeli о происхожденіи римскихъ лихорадокъ.

[1]) Valer. Max. II, 5, 6: Febrem... ad minus nocendum templis colebant [antiqui Romani], quorum adhuc unum in Palatio, alterum in area Marianorum monumentorum, tertium in summa parte vici longi extat, in eaque remedia, quae corporibus aegrorum adnexa fuerant, deferebantur.—Совершенно тщетно и неосновательно стараніе Brocchi (Dello stato fisico del suolo di Roma, p. 229) и Jordan'а (Topogr. I, 1, 149 съ прим. 46), ослаблять значеніе этого культа богини Febris. Какова бы ни была этимологія ея имени, которое одними (ср. Vanicek, Etym. Wört. d. lat. Spr., p. 188) производится отъ корня bhar, bhar-v (ferveo; въ carm. Arv. fervem=febrem, ср. Bergk въ Zeitschr. f. d. Alterth.-W. 1849, u. 3. 1856, p. 143), а другими (ср. Fick, Vergl. Wört. d. indog. Spr. I[3], 690), отъ корня bhabh (φέβ—ομαι), и хотя бы Febris первоначально означало богиню „жаркаго времени", какъ это предполагаетъ Jordan, но въ виду всѣхъ приведенныхъ мною выше свидѣтельствъ древнихъ писателей, не можетъ подлежать сомнѣнію, что Римляне весьма рано убѣдились въ вредномъ вліяніи на здоровье жаркаго римскаго лѣта, наиболѣе развивавшаго маларійную лихорадку, и поэтому обоготворили эту лихорадку въ лицѣ Febris.

dan, Top. II, 520 sqq. и Gilbert, Gesch. u. Top. d. St. Rom im Alt., 3. Abth., p. 98 sq. прим. 3), и третье въ высшей части такъ называемой „Длинной улицы“, то есть на высотѣ Квиринала (ср. Becker, Handb. d. röm. Alt. I, 580 sq. и Richter, Topogr. v. Rom въ Handb. d. klass. Alt. Ивана Мюллера, томъ III, стр. 898). Между этими капищами богини Лихорадки наиболѣе древнее и извѣстное, кажется, было то, которое помѣщалось на Палатинѣ. Это я заключаю изъ того обстоятельства, что нѣсколько писателей, какъ Цицеронъ [1]), Плиній Старшій [2]) и Эліанъ [3]), а также философъ Сенека [4]), Минуцій Феликсъ [5]), Августинъ [6]) и медикъ конца 4-го вѣка по р. Хр.

---

[1]) Cicero De leg. II, 11, 28: virtutes... non vitia consecrare decet. Araque vetusta in Palatis Febris et altera Malae Fortunae detestataque omnia euis modi repudianda sunt.—Точно также и De nat. deor. III, 25, 63: Qui tantus error fuit, ut perniciosis etiam rebus non modo nomen deorum tribueretur, sed etiam sacra constituerentur. Febris enim fanum in Palatio, et Orbonae ad aedem Larum et aram Malae Fortunae Esquiliis consecratam videmus.

[2]) Plinius N. H. II, 7, 15—16: numina... innumerabilia invenimus, inferis quoque in genera discriptis, morbisque et multis etiam pestibus, dum esse placatas trepido metu cupimus. ideoque etiam publice Febris fanum in Palatio dicatum est, Orbonae ad aedem Larum et ara Malae Fortunae Esquiliis.

[3]) Aelian. Var. Hist. XII, 11: Ῥωμαῖοι ὑπὸ τῷ λόφῳ τῷ Παλλαντίῳ Πυρετοῦ καὶ νεὼν καὶ βωμὸν ἱδρύσαντο.

[4]) Seneca, Ludus de morte Claudii 6, 1: Febris... fano suo relicto sola cum illo [Claudio] venerat [на небо].

[5]) Minucii Felicis Octavius (ed. Baehrens) 25, 8: Cloacinam Tatius et invenit et coluit; Pavorem Hostilius atque Pallorem; mox a nescio quo Febris dedicata: haec alumna urbis istius superstitio, morbi et malae valetudines.

[6]) Augustin. De civitate Dei III, 25 (ed. Dombart): Romae etiam Febri, sicut Saluti templum constitutum.—Нѣсколько дальше Августинъ говоритъ объ antiqua fana, которыя были сооружены Римлянами богинямъ Febris и Bellona, и указываетъ при этомъ, что они существовали уже задолго до храма Конкордіи, то есть до 367 г. до р. Хр.—И въ другихъ еще мѣстахъ (De civ. Dei II, 14; III, 12; IV, 15; IV, 23, а также Epist. I, 17 2 (изд. Migne); Enarr. in Psalmum CIV, 11 и De consensu Evang. I, 18) Августинъ свидѣтельствуетъ о культѣ, которымъ Римляне почитали Лихорадку.—Ср. также Lactant. I (De falsa rel.), c. 20, гдѣ онъ говоритъ о суевѣрныхъ язычникахъ: mala sua pro Diis habent, ut Romani Robiginem ac Febrem,—Подобнымъ образомъ выражается также христіанскій поэтъ IV вѣка Aurelius Prudentius Clemens въ своей поэмѣ Hamartigenia (ed. Dressel), v. 155—158:

Qui mala principio genuit, Deus esse putatur,
quique bona infecit vitiis et candida nigris:
par furor illorum, quos tradit fama dicatis
consecrasse deas Febrem Scabiemque sacellis.

Присціанъ [1]), на сколько это можно видѣть изъ ихъ словъ, только и упоминаютъ объ одномъ этомъ капищѣ богини, и что алтарь, находившійся при немъ, называется Цицерономъ „ara vetusta“. Къ тому же на Палатинскомъ холмѣ возникло древнѣйшее римское поселеніе (Roma quadrata), а вслѣдствіе близости находившихся тогда и на форумѣ, и на Велабрѣ и въ долинѣ цирка болотистыхъ мѣстъ, которыя несомнѣнно способствовали произведенію тамъ лихорадки [2]), древнѣйшіе обитатели Палатина, благодаря ихъ суевѣрію, очевидно уже весьма рано должны были обоготворить эту лихорадку и, съ цѣлью умилостивленія ея, соорудить ей алтарь и капище на обитаемомъ ими холмѣ, вѣроятно на сѣверо-западной или западной сторонѣ его, вблизи упомянутыхъ болотистыхъ мѣстъ. Только позднѣе, вѣроятно, а именно по возникновеніи поселеній на Квириналѣ и на Эсквилинѣ. богинѣ Лихорадкѣ сооружены были капища и на этихъ холмахъ. И здѣсь, по видимому, причину такого культа мы должны искать въ дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ, которыя представлялъ воздухъ этихъ холмовъ, возвышавшихся надъ сырыми долинами. Такое предположеніе подкрѣпляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Квириналъ и Эсквилинъ въ древности служили какъ бы центромъ

---

[1]) Theodori Prisciani lib. IV ad Eusebium filium de physica scientia (въ Medici ant. Lat., ed. Aldina, Venet. 1547, fol. 310v): Pythagoras Aegyptiae scientiae gravis auctor, scribit singula nostri corporis membra caelestes sibi potestates vindicasse. Unde fit, ut aut contrariis, quibus vincuntur, aut propriis, quibus placantur [mederi] conemur. Hinc est, quod Romani Febri aedem statuerunt et quod Quartanas Saturni filias affirmavit antiquitas. In quarum curatione Democritus inquit pollutione opus esse, ut sunt caedes et culpae et menstrua mulieris et sacrarum avium vel vetitorum animalium carnes cibo datae et sanguinis potus.

[2]) Если поэтому Солинъ (I, 14 ed. Mommsen) разказываетъ, что древнѣйшіе обитатели Палатинскаго холма, такъ называемые Аборигены, должны были покинуть это мѣсто въ виду того, что болото, находившееся по его близости, дѣлало его вреднымъ для здоровья (Palatium nemo dubitaverit quin Arcadas habuerit auctores, a quibus primum Pallanteum oppidum conditum: quod aliquamdiu Aborigines habitarunt, propter incommodum vicinae paludis, quam praeterfluens Tiberis fecerat, profecti Reate postmodum reliquerunt), то не можетъ подлежать сомнѣнію, что это извѣстіе, хотя оно, конечно, лишено исторической достовѣрности, — согласно Варрону (ср. Dionys. Hal. I, 9; 72; II, 2. Festus p. 321 (a), 18 sqq. M и Servius ad Aen. I, 6 и XI, 317), Аборигены поселились на Палатинѣ послѣ того, какъ покинули свои первоначальныя мѣстожительства въ Сабинской области,—но тѣмъ не менѣе содержитъ въ себѣ внутреннюю правду, то есть вполнѣ согласную съ древнѣйшей традиціей и съ дѣйствительностью мотивировку, указывающую на издавна нездоровый характеръ римской мѣстности.

такихъ культовъ, которые имѣли какое нибудь отношеніе къ жизни и здоровью римскихъ жителей, и что, напримѣръ, на Квириналѣ помѣщался храмъ богини „Исцѣленія" (Salus) [1]), а на Эсквилинѣ роща и капище богини вредныхъ, въ особенности сѣрныхъ, испареній земли (Mefitis) [2]), алтарь „злаго рока" (Mala Fortuna) [3]), роща богини мертвыхъ тѣлъ (Libitina) [4]), храмъ Минервы Врачебной (Minerva medica) [5]) и др. — Говоря о капищахъ богини Лихорадки, помѣщавшихся на Квириналѣ и Эсквилинѣ, а также на Палатинѣ, Валерій Максимъ сообщаетъ и о томъ интересномъ фактѣ, что въ этихъ капищахъ Римляне, заболѣвавшіе лихорадкой, приносили богинѣ въ даръ всѣ тѣ remedia (врачебныя средства), то есть амулеты, которые они во время болѣзни носили на своемъ тѣлѣ [6]).

---

[1]) Этотъ храмъ, который упоминается еще въ Notitia urbis (Regio VI), сооруженъ былъ (по Ливію IX, 43, 25 и X, 1, 9) въ 302 г. до р. Хр. Но, очевидно, и до сооруженія его Salus имѣла уже святилище на Квириналѣ, такъ какъ по немъ прозваны были не только составлявшій часть Квиринала collis Salutaris, но и находившіяся тамъ ворота городскихъ „Сервіевыхъ" стѣнъ, porta Salutaris. Cp. Becker, Handb. d. röm. Alt. I, 578 и Richter, Top. v. Rom (въ Handb. d. class. Alt. III, p. 906.

[2]) Varro de ling. Lat. V. 49: Exquiliae—lucus Mefitis.—По Фесту (p. 351 (a), 3 Müll.) эта роща находилась на сѣверномъ возвышеніи Эсквилина (Cispius): in qua regione est aedes Mefitis.

[3]) Cicero De nat. deor. III, 25, 63, De leg. II, 11, 28.—Plinius N, H. II, 7, 1 (см. прим. 1 и 2 на стр. 100).

[4]) Краткія упоминанія объ этой рощѣ и о значеніи Либитины, встрѣчающіяся у древнихъ писателей (Dion. Hal. IV, 15. Plut. Quaest. Rom. 23; Numa 12. Asconius in Milonianam (ed. Kiessl. et Schoell, p. 29, 9). Livius XL, 19, 8; XLI. 21, 6. Sueton. Nero 39. Horat. carm. III, 30, 7; sat. II, 6, 19. Martial. X, 97) не позволяютъ намъ, съ точностью опредѣлить ея мѣстоположеніе; но врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что она находилась вблизи отъ большихъ кладбищъ Эсквилинскаго поля (Campus Esquilinus). Предположеніе Гильберта (Gesch. u. Top. d. St. Rom im Alt. I, 176), что lucus Libitinae находился или на южномъ возвышеніи Эсквилина, то есть на Оппіѣ, или же въ долинѣ, которая раздѣляетъ Эсквилинъ отъ Целія, не основано ни на какихъ доказательныхъ данныхъ.

[5]) Notitia urbis: Regio V Esquiliae continet... Minervam medicam. Остатки этого храма, съ многочисленными статуетками и изображеніями различныхъ частей тѣла, принесенными богинѣ по обѣту, и съ одной архаической надписью—me |N||RVA DONO D|| |det.—доказывающей глубокую старину храма, недавно были найдены между via Macchiavelli u via Buonarotti. Cp. Bull. d. comm. arch. comm. di Roma XV (1887), 154 sqq; 166 sqq; 192 sqq; 340 sqq. Notizie d. scavi di antichitá 1887, p. 179 sq; 446. 1888, p. 133.

[6]) Свидѣтельствующія объ этомъ обычаѣ слова Валерія Максима, приведенныя мною выше. совсѣмъ превратно истолковываются De Matthaeis'омъ

Приведенныя мною до сихъ поръ свидѣтельства доказываютъ эндемическій характеръ существовавшей какъ въ императорскомъ, такъ и въ древнѣйшемъ и республиканскомъ Римѣ маларійной лихорадки. Но уже a priori можно предполагать, что, благодаря разнымъ пре-

---

(l. l. p. 454) въ томъ смыслѣ, что заболѣвавшіе лихорадкою Римляне, послѣ своего выздоровленія, будто бы жертвовали въ храмъ Лихорадки мѣдныя или мраморныя таблицы „съ описаніемъ (deferebantur) тѣхъ, большею частью, внутреннихъ лѣкарствъ", которыя они принимали во время болѣзни, и благодаря которымъ они выздоровѣли. — Хотя это толкованіе и ссылается на дѣйствительно существовавшій у древнихъ грековъ и Римлянъ обычай (ср. Plinius, N, H. XXIX, 1, 4) выставлять въ храмахъ Эскулапа (а, можетъ быть, и нѣкоторыхъ другихъ божествъ) дощечки съ описаніями болѣзней и употребленныхъ противъ нихъ средствъ, но оно невѣрно по отношенію къ самымъ словамъ Валерія Максима, потому что подъ remedia. quae aegrorum corporibus adnexa fuerant, согласно значенію слова adnexa, могутъ подразумѣваться только наружныя средства, а именно амулеты, которые носились на тѣлѣ (и въ особенности на шеѣ), какъ это вдобавокъ совершенно ясно доказывается и приведенными мною уже выше словами Элія Спарціана (Anton. Carac. 5, 7): damnati sunt... qui remedia quartanis tertianisque *collo adnexa gestarunt*, и свидѣтельствомъ Плинія (N. H. XXX, 11, 98) о томъ, что привязываніе къ тѣлу, а именно къ шеѣ или къ рукамъ (въ особенности къ лѣвой) или къ волосамъ, различныхъ предметовъ, которымъ суевѣріе людей приписывало магическое и чудотворное дѣйствіе, въ древности считалось однимъ изъ лучшихъ средствъ противъ маларійныхъ лихорадокъ (quartanae, tertianae и др.). Въ числѣ такихъ предметовъ Плиніемъ упоминаются слѣдующіе: калъ кошки съ когтемъ филина (N, H. 28, 16, 228), сердце зайца (28, 16, 229), наидлиннѣйшій зубъ рѣчной рыбы phagrus (32, 10, 113), лягушки, задушенныя въ маслѣ (32, 10, 114), сердце лягушекъ (ibid), бородавникъ (22, 21, 61), кусокъ гвоздя висѣлицы, завернутый въ шерсть (28, 4, 46), веревка висѣлицы (ibid.), волосы верблюжьяго хвоста (28, 8, 91), сердце хамелеона, завернутое въ черную шерсть первой стрижки (28, 8, 114), сердце крокодила, завернутое въ шерсть черной перворожденной овцы (28, 8, 111), глаза рѣчныхъ раковъ (32, 10, 115), позвонокъ окуня (32, 10, 116) и тому подобные.

Къ сожалѣнію, въ Римѣ до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, еще не было найдено надписи, имѣющей какое нибудь отношеніе къ мѣстнымъ лихорадкамъ и къ культу богинь этихъ лихорадокъ (Febris и Quartanae, а также Tertianae).— Упомянутая De Matthaeis'омъ (l, l. p. 445) надпись, найденная „ad sacellum Ostrohiense in Transilvania", Gruter: Inscr. ant. p. 97, 1): Febri divae Febri | sanctae Febri magnae Camilla Amata pro | filio male affecto p., оказывается подложной (см. C. I. L. III, p. 10*, lit. 76*). За то не можетъ быть сомнѣнія въ неподдѣльности другой надписи, которая была найдена въ Нимѣ (во Франціи) и гласитъ (C. I. L. XII, 3129): Quartanae | votum red | dot. libens | merito | Byrria. Severilla. Она служитъ хорошей иллюстраціей къ словамъ Ювенала (4, 57) „quartanam sperantibus aegris" и къ другимъ свидѣтельствамъ древнихъ (приведеннымъ выше) о томъ, что четырехдневная перемежающаяся лихорадка считалась

ходящимъ причинамъ, эндемическая лихорадка въ древнемъ Римѣ иногда чрезвычайно усиливалась и тогда уже выступала въ формѣ эпидемической болѣзни. Всякому, кто знакомъ съ римской анналистикой, памятны тѣ частыя упоминанія о появлявшихся отъ времени до времени въ древнемъ Римѣ царской и республиканской эпохъ большихъ эпидеміяхъ (pestilentiae), которыя встрѣчаются у Ливія и другихъ историковъ, посредственно или непосредственно заимствовавшихъ такого рода свѣдѣнія въ особенности у „Большой Лѣтописи“ понтификовъ [1]). Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдова-

---

самой легкой формой маларійной болѣзни.—Такъ же неподдѣльна слѣдующая надпись, которая была найдена въ древнемъ Habitancium (въ Англіи) и относится къ культу богини трехдневной перемежающейся лихорадки (C. I. L. VII, 999): Deae Ter | tianae sacrum Ael | Timothea... P | vslIm.

[1]) Хроника этихъ Эпидемій (pestilentiae, λοιμοί), свирѣпствовавшихъ въ Римѣ съ древнѣйшихъ временъ до конца республики, слѣдующая (ср. Jordan Topogr. I, 1, 450 сл., прим. 47, гдѣ однако, пропущено нѣсколько эпидемій):

При Ромулѣ . . . . Dionys. Hal, II, 54. Plutarch. Rom. 24.
При Нумѣ . . . Plutarch. Numa 18.
Въ концѣ царствованія Тулла Гостилія . . . . . Livius. I, 31, 5. Ср. Dion. Hal. III, 36.
При Тарквиніѣ Гордомъ . . . . Dion. Hal. IV, 69.
492 г. до Р. Хр. . . . Dionys. VII, 12. Orosius II, 5, 6 ed. Zangem. (ср. Livius II, 34, 2 и 6).
490 „ „ „ . . . Dionys. VII, 68.
472 „ „ „ . . . Dionys. IX, 40 и 42.
467 „ „ „ . . . Livius III, 2, 1 sq. Dionys. IX, 60. Orosius II, 12, 4.
463—462 „ „ „ . . . Liv. III, 6, 2—8; 7, 6—8; 8, 1. Dionys IX, 67 и 69. Oros. II, 12, 2—3.
453—452 „ „ „ . . . Liv. III, 32, 2 и 4. Dionys. X, 53 sq. Augustin. De civ. Dei III, 17. Oros. II, 13, 1.
436—433 „ „ „ . . . Liv. IV, 21, 2 и 5; 21, 6; 25, 3 sq.; 5. 6 и 26, 5.
428 „ „ „ . . . Liv. IV, 30, 8 sq. Dionys Hal. Exc. ex lib. XII, 6 (8).
412 „ „ „ . . . Liv IV, 52, 2 sq. и 8.
400 „ „ „ . . . Liv. V, 13, 4 и 14, 3. Dion. Hal. Exc. ex lib. XII 9(9).
392 „ „ „ . . . Liv. 31. 5; 7; 9. Dion. Hal. Exc. ex lib. XIII, 4(4),
390 „ „ „ . . . Liv. V, 48, 1 sqq. Oros. II, 19, 8.
384—383 до Р. Хр. . . . Liv. IV. 20, 15; 21 1 и 6.
365—364 „ „ „ . . . Liv. VII, 1, 7 sp; 2, 1—3; 3, 1—4. Plutarch, Camillus, 43. Augustin. l. c. Oros. III, 4, 1—6.
348 „ „ „ . . . Liv. VII, 27, 1.
334 „ „ „ . . . Liv. VIII, 17, 4.

тели исторіи медицины [1]) хотѣли отождествить эти эпидеміи или съ свирѣпствовавшей, въ особенности въ средніе вѣка, желвачной заразой или съ оспою. Но эти мнѣнія не имѣютъ никакихъ основаній. Данныя древними историками описанія тѣхъ эпидемій, которыя свирѣпствовали по временамъ въ Римѣ царской эпохи, слишкомъ поверхностны, неполны и неясны, чтобы мы могли съ увѣренностью или даже только съ правдоподобностью рѣшить вопросъ о томъ, какого рода болѣзнь или болѣзни въ томъ или другомъ случаѣ появились съ эпидимическимъ характеромъ [2]). Только въ описаніи одной эпидеміи, а именно той, которая свирѣпствовала въ

331	„ „ „	... Liv. VIII, 18, 1—4; 22, 7. Augustin. l. c. Oros. III. 10, 1—3. Cp. Val. Max. II, 5, 3.
313	„ „ „	... Liv. IX, 28, 6.
295	„ „ „	... Liv. X, 31, 8. Oros. III, 21, 7—8.
293	„ „ „	... Liv. X, 47, 6 sq. и periocha libri XI. Aur. Vict. De vir. ill. 22. Augustin. l. c. Oros III, 22, 4—5.
276	„ „ „	... Augustin l. c. Oros. IV, 2, 1—2.
274—273 (272)	„	... Augustin l. c. Oros. IV, 5, 6—8.
208	„ „ „	... Liv. XXVII, 23, 6 sq.
187	„ „ „	... Liv. XXXVIII, 44, 7.
182—180	„ „ „	... Liv. XL, 19, 3—7; 26, 5; 36, 14; 37. 1 sqq.; 42, 6. Iul. Obseq. 6 ed. Iahn.
174	„ „ „	... Liv. XLI, 21, 5—11; XLII, 2, 7. Iul Obseq. 10.
165	„ „ „	... Iul. Obseq. 13.
142	„ „ „	... Oros. V, 48, 8—10. Iul. Obseq. 22.
87	„ „ „	... Vell. Paterc. II, 21, 4. Oros. V, 19, 18. (Cp. Iul. Obse.q 56).

Объ эпидеміяхъ, свирѣпствовавшихъ въ Римѣ въ теченіе 5-го столѣтія до Р. Хр., подробно трактуетъ Seibel въ программѣ: Die EpidemienPeriode des 5. Jahrh. v. Chr. u. die gleichz. ungew. Natur-Ereignisse. Mit bes. Berücks. der Attischen Pest (Döllingen. 1869). Какъ ни тщательно, однако, составлена эта программа, мнѣніе Зейбеля, что всѣ эти эпидеміи, и въ особенности эпидеміи 436—433 и 428 гг., по своему характеру были болѣе или менѣе тождественны съ аттической эпидеміей 430—425 г. (ср. также Niebuhr, Röm. Gesch. II², 573 и Haeser, Lehrb. d. Gesch. d. Medicin III³, 6), кажется мнѣ не только не основаннымъ на убѣдительныхъ доказательствахъ, но отчасти даже мало вѣроятнымъ. Объ эпидеміяхъ, свирѣпствовавшихъ въ Римѣ въ императорскую эпоху, ср. въ особенности Friedländer, Darstell. aus d. Sittengesch. Roms I⁶, 39 sqq. и Haeser, l. c. III³, 24—53.

[1]) Какъ Schnurrer, Hecker и другіе—ср. Schwegler, Röm. Gesch. II, 617 sqq. и Iordan, Topogr. I, 1, 151, прим. 48.

[2]) Такъ судитъ и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи медицины, Haeser, въ Lehrb. der Gesch. der Medicin u. der epid. Krankheiten III³, 3 sq.

Римѣ въ 174 г. до Р. Хр., у Ливія [1]) есть болѣе опредѣленный намекъ на ходъ и характеръ этой болѣзни. Заболѣвавшіе ею люди, говоритъ онъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ выздоравливали и большею частью умирали не позже седьмаго дня; а тѣ, которые переносили кризисъ, вслѣдъ затѣмъ продолжали еще долго болѣть и въ особенности страдать четырехдневной перемежающейся лихорадкой. Врачи, къ которымъ я обратился за разъясненіемъ этого мѣста Ливія, единогласно сообщили мнѣ, что въ описанной такимъ образомъ эпидемической болѣзни вѣроятнѣе всего слѣдуетъ усмотрѣть непрерывную маларійную лихорадку (febris continua), которая или ведетъ къ скорой смерти или влечетъ за собою перемежающуюся лихорадку [2]). Если такое объясненіе свирѣпствовавшей въ 174 до Р. Хр. эпидеміи вѣрно, то, по моему мнѣнію, нельзя отрицать возможности того, что и въ числѣ остальныхъ эпидемій, которыя по временамъ появлялись въ Римѣ, и въ особенности тѣхъ, которыя упоминаются въ исторіи города царской и республиканской эпохъ, нѣкоторыя могли быть вызваны усиливавшейся, вслѣдствіе особыхъ преходящихъ причинъ, маларійною лихорадкою [3]), которая, какъ мы видѣли, во

---

[1]) Livius XLI, 21,5: pestilentia, quae priore anno in boves ingruerat, eo (то-есть въ 174 до Р. Хр.) verterat in hominum morbos. qui inciderant, hand facile septimum diem superabant; qui superaverant, longinquo, maximo quartanae, implicabantur morbo.

[2]) Такое же мнѣніе высказалъ уже профессоръ Naunyn на запросъ Jordan'a (Topogr. d. Rom. I, 1, 151, прим. 48). Подтвержденіемъ ему служитъ, по моему, еще то обстоятельство, что подобно тому, какъ во время эпидеміи 174 г. больные могли считать себя спасенными, коль скоро ихъ болѣзнь переходила въ четырехдневную перемежающуюся лихорадку, такъ, по свидѣтельству Ювенала (4, 56 sq.: iam letifero cedente pruinis Autumno, iam quartanam sperantibus aegris), если вообще „въ смертоносную осеннюю пору" римляне заболѣвали маларійной лихорадкой, а именно самой опасной изъ ея формъ, то-есть, безъ сомнѣнія, непрерывной лихорадкой (febris continua), то вся надежда больныхъ на выздоровленіе основывалась на томъ, чтобы эта опасная лихорадка у нихъ переходила въ четырехдневную перемежающуюся лихорадку, считавшуюся, какъ мы видѣли выше, самой легкой формой маларійной болѣзни.

[3]) Сравни также то, что мы выше замѣтили по поводу эпидеміи 731—732 23 и 22 гг. и по поводу приведенной Фестомъ молитвы, которую древніе римляне произносили при люстраціи полей, и въ которой они просили боговъ избавлять ихъ какъ отъ другихъ золъ, такъ и отъ pesestas—pestilentia. Если Chr. G. Heyne въ своей статьѣ De febribus epidemicis Romae falso in pestium censum relatis (въ Opusc. acad., Gott. 1788, vol. III, 108—126) повидимому, клонится къ мнѣнію, что всѣ рим-

всѣ времена древняго Рима существовала въ немъ, въ видѣ эндемической болѣзни.

скія pestilentiae не только царской и республиканской эпохъ, но и первыхъ временъ имперіи, были эпидеміи маларійной лихорадки, то такое мнѣніе, конечно, не только не основательно, но даже крайне невѣроятно. Въ заключеніе я не могу не упомянуть здѣсь о предположеніи Tommasi-Crudeli (Il clima di Roma (Roma, 1886), p. 57 sq.), что многіе изъ разказанныхъ древними историками случаевъ скоропостижной смерти римскихъ гражданъ, которые имѣли загадочный или даже подозрительный характеръ, произошли не вслѣдствіе отравленія этихъ гражданъ ядомъ, какъ ихъ современники склонны были полагать, но вслѣдствіе заболѣванія ихъ опаснѣйшею формою маларійной лихорадки, такъ-называемою perniciosa. Это предположеніе, для подкрѣпленія котораго Томмази-Крудели приводитъ нѣсколько аналогическихъ случаевъ изъ новѣйшей исторіи Рима и другихъ мѣстностей Италіи, по моему мнѣнію, имѣетъ наибольшую правдоподобность по отношенію къ тѣмъ изъ упомянутыхъ древними писателями случаевъ мнимаго умерщвленія ядомъ, которые одновременно и на подобіе повальной болѣзни постигли многихъ жителей Рима и его окрестностей, какъ напримѣръ въ 331 г. до р. Хр. Въ этомъ году, какъ разсказываетъ Ливій (VIII 18,4—11. Cp. Valer Max. II, 5, 3. Oros. III, 10 и др.), масса именитыхъ гражданъ Рима стала умирать отъ болѣзней, симптомы и исходъ которыхъ у всѣхъ были почти одинаковы. Тогда какая-то служанка донесла властямъ, что виновницы этого бѣдствія—римскія матроны, занимавшіяся дескать приготовленіемъ яда. При внезапномъ обыскѣ, который послѣ этого донесенія былъ произведенъ во многихъ домахъ, застали около 20 матронъ при вареніи какихъ-то медикаментовъ. Всѣ онѣ были арестованы, а потомъ, когда заявляли, что эти медикаменты цѣлебны, принуждены были сами выпить ихъ. Послѣдовавшая отъ этого смерть ихъ побудила властей арестовать еще другихъ матронъ, на которыхъ было донесено, и осудить изъ нихъ около 170.—Эта исторія, которую Ливій почерпнулъ изъ нѣсколькихъ хроникъ, страдаетъ столь большой невѣроятностью, что нашъ авторъ самъ выражаетъ сомнѣніе въ ея правдивости, предпосылая ей слѣдующее замѣчаніе (VIII, 18, 1): Foedus insequens annus (331 г. до р. Хр.) *seu intemperie caeli* seu humana fraude fuit (§ 2) illud pervelim—*nec omnes auctores sunt—proditum falso esse*, venenis absumptos, quorum mors infamem annum pestilentia fecerit.—И дѣйствительно, если мы притомъ вспомнимъ, насколько простой народъ, даже въ наше цивилизованное время склоненъ къ тому, чтобы эпидемическія болѣзни приписывать дѣйствію яда, то мы не можемъ не прійти къ убѣжденію, что направленное въ 331 г. противъ римскихъ матронъ обвиненіе въ отравленіи ихъ мужей было лишено основательности, и что смерть этихъ послѣднихъ послѣдовала не отъ яда, а отъ какой-то эпидемической болѣзни, и вѣроятнѣе всего отъ самой страшной формы римской лихорадки, такъ-называемой perniciosa. Такую же суевѣрную легкомысленность со стороны жителей и властей Рима, какая, по видимому, вызвала только что разказанные процессы 331 г., мы по всей вѣроятности должны предположить и въ процессахъ 180 г. до Р. Хр., о которыхъ Ливій (XL. 37, 4—7) и разказываетъ слѣдующее: Въ этомъ году, когда эпидемія, которая уже за два года до того появилась въ Римѣ

лаго расспространенія еще въ древнѣйшемъ Римѣ эндемической маларіи служитъ то обстоятельство, что подобно тому, какъ жители средневѣковаго Рима на Ватиканѣ почитали Мадонну Лихорадокъ (Madonna delle Febbri) [1]), такъ и древнѣйшіе Римляне почитали не только Лихорадку (Febris) вообще, но и четырехдневныя и, по видимому, также трехдневныя перемежающіяся лихорадки (Quartanae и Tertianae) [2]) въ частности, какъ богинь, а для умилостивленія ихъ

рыя мы приводимъ ниже, древніе писатели оставили намъ даже извѣстія объ отдѣльныхъ случаяхъ заболѣванія одной изъ этихъ формъ маларійной лихорадки, случившихся уже въ республиканскій періодъ и, по видимому, въ самомъ Римѣ. Такъ напримѣръ, Светоній разсказываетъ (Div. Jul. 1), что молодой Цезарь, когда преслѣдованія диктатора Суллы заставляли его бѣжать изъ Рима и (согласно свидѣтельству Плутарха, Caes. 1) искать убѣжища въ Сабинской области, сильно страдалъ четырехдневной перемежающейся лихорадкой.—Разказъ Плинія Старшаго (N. H. VII, 50, 166) о томъ, что Q. Fabius Maximus consul (въ 121 г. до Р. Хр.) ad flumen Isaram proelio commisso adversus Allobrogum Arvernorumque gentes... febri quartana liberatus est in acie, не имѣетъ для насъ интереса, такъ какъ во 1) Плиній не сообщаетъ, гдѣ именно Кв. Фабій заболѣлъ «квартаной», а во 2) Аппіанъ. кажется, противорѣчитъ Плинію, разказывая (Celt. 1, 2), что Фабій сражался πιεζόμενος ὑπὸ τραύματος ὑπογυίου.

По всей вѣроятности, въ упоминаемой нѣсколько разъ у древнѣйшихъ римскихъ писателей querquera febris, которая, по объясненію грамматиковъ, была «febris acra, quae cum magno frigore solet venire» (глоссарій у Loewe, Prodromus corp. gloss. lat. p. 327.—Ср. также Festus p. 257 (b), 24 sqq M. и Paulus p. 256, 11 sq. M.) мы должны усматривать одну изъ формъ маларійной болѣзни, такъ какъ Плавтъ (Frivolaria fr. 2 ed. Winter, привед. у Присціана I, p. 271,1 H.: is mihi erat bilis [is] aqua intercus, [is erat] tussis querquera) сопоставляетъ ее съ желтухой и съ водянкой, т. е. съ такими болѣзнями, которыя, какъ мы уже видѣли, въ Римѣ являлись обыкновенными послѣдствіями маларійной лихорадки. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ приведенныхъ словъ Плавта, а также изъ произнесеннаго поэтомъ Луциліемъ (satir. fr. II, 8 изд. Müller'a) надъ извѣстнымъ (изъ схолія къ Горацію, Sat. I. 8, 11 и I, 1, 102) кутилой Л. Кассіемъ Номентаномъ, проклятія: qui te Nomentane, malum iam cercera (=querquera) perdat!, мы можемъ заключить, что эта форма маларійной болѣзни была весьма знакома Римлянамъ (ср. еще Луцил. sat. fr. inc 35: Iactans me ut febris querquera и 37: Querquera consequitur capitisque dolores).

[1]) Ср. De Matthaeis. Sul culto reso dagli antichi Romani alla dea Febbre (въ Atti d. Acad. rom. d'arch. I (1821) 1, стр. 465, а также Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter I, 307.

[2]) См. Theodori Prisciani lib. IV ad Eusebium filium de physica scientia (въ Medici ant. Lat. ed. Aldina, Venet. 1547, fol. 310v): Quartanas Saturni filias affirmavit antiquitas (Ср. ниже на стр. 103, прим. 1).—Ср. также Cicero, De nat. deor. III, 10, 24. гдѣ академику Коттѣ, опровергающему народныя представленія стоиковъ о божествахъ, влагаются въ уста слѣдующія слова: Vide, quaeso,

соорудили нѣсколько капищъ, посвященныхъ „Лихорадкѣ". Три такихъ капища существовали еще во 1-мъ вѣкѣ по р. Хр., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ современный императору Тиберію историкъ Валерій Максимъ [1]), по словамъ котораго одно капище богини Лихорадки помѣщалось на Палатинскомъ холмѣ, другое на площади Маріевыхъ трофеевъ, находившейся, по видимому, на Эсквилинѣ (ср. Jor-

---

si omnis motus omniaque, quae certis temporibus ordinem suum conservant, divindicimus, ne tertianas quoque febres et quartanas divinas esse dicendum sit, quarum reversione et motu quid potest esse constantius?—О надписяхъ, посвященныхъ богинямъ Quartana и Tertiana см. ниже на стр. 104 сл. прим. 6.—Почитаніе богинь Quartanae какъ дочерей Сатурна, бога земли и земледѣлія, показываетъ, что уже древнѣйшіе Римляне (и вообще Латины) догадались о причинной связи, существующей, по новѣйшей теоріи Klebs'а и Tommasi-Crudeli, между землею и зарождающеюся въ ней маларіею. Весьма интересны въ этомъ отношеніи также слѣдующіе стихи Лукреція (De rerum nat. VI, 1096—1100 изд. Бернайса), въ которыхъ, рядомъ съ болѣзнями и эпидеміями, появляющимися, подобно облакамъ неба, извнѣ и сверху, отмѣчаются такія болѣзни и эпидеміи, которыя зарождаются изъ земли, коль скоро внезапные дожди и солнечная жара подвергаютъ эту послѣднюю гніенію:

atque ea vis omnis morborum pestilitasque
aut extrinsecus ut nubes nebulaeque superne
per caelum veniunt, aut ipsa saepe coortae
de terra surgunt, ubi putorem umida nactast
intempestivis pluviisque et solibus icta.

Очевидно эти слова Лукреція относятся, главнымъ образомъ, къ маларіи и содержатъ, такимъ образомъ, антиципацію нѣкоторыхъ положеній изложенной нами выше (на стр. 3—4) теоріи Klebs'а и Tommasi-Crudeli о происхожденіи римскихъ лихорадокъ.

[1]) Valer. Max. II, 5, 6: Febrem... ad minus nocendum templis colebant [antiqui Romani], quorum adhuc unum in Palatio, alterum in area Marianorum monumentorum, tertium in summa parte vici longi extat, in eaque remedia, quae corporibus aegrorum adnexa fuerant, deferebantur.—Совершенно тщетно и неосновательно стараніе Brocchi (Dello stato fisico del suolo di Roma, p. 229) и Jordan'а (Topogr. I, 1, 149 съ прим. 46), ослаблять значеніе этого культа богини Febris. Какова бы ни была этимологія ея имени, которое одними (ср. Vaniček, Etym. Wört. d. lat. Spr., p. 188) производится отъ корня bhar, bhar-v (ferveo; въ carm. Arv. fervem=febrem, ср. Bergk въ Zeitschr. f. d. Alterth.-W. 1849, u. 3. 1856, p. 143), а другими (ср. Fick, Vergl. Wört. d. indog. Spr. I³, 690, отъ корня bhabh (φέβ—ομαι), и хотя бы Febris первоначально означало богиню „жаркаго времени", какъ это предполагаетъ Jordan, но въ виду всѣхъ приведенныхъ мною выше свидѣтельствъ древнихъ писателей, не можетъ подлежать сомнѣнію, что Римляне весьма рано убѣдились въ вредномъ вліяніи на здоровье жаркаго римскаго лѣта, наиболѣе развивавшаго маларійную лихорадку, и поэтому обоготворили эту лихорадку въ лицѣ Febris.

dan, Top. II, 520 sqq. и Gilbert, Gesch. u. Top. d. St. Rom im Alt., 3. Abth., p. 98 sq. прим. 3), и третье въ высшей части такъ называемой „Длинной улицы", то есть на высотѣ Квиринала (ср. Becker, Handb. d. röm. Alt. I, 580 sq. и Richter, Topogr. v. Rom въ Handb. d. klass. Alt. Ивана Мюллера, томъ III, стр. 898). Между этими капищами богини Лихорадки наиболѣе древнее и извѣстное, кажется, было то, которое помѣщалось на Палатинѣ. Это я заключаю изъ того обстоятельства, что нѣсколько писателей, какъ Цицеронъ [1]), Плиній Старшій [2]) и Эліанъ [3]), а также философъ Сенека [4]), Минуцій Феликсъ [5]), Августинъ [6]) и медикъ конца 4-го вѣка по р. Хр.

---

[1]) Cicero De leg. II, 11, 28: virtutes... non vitia consecrare decet. Araque vetusta in Palatis Febris et altera Malae Fortunae detestataque omnia euis modi repudianda sunt.—Точно также и De nat. deor. III, 25, 63: Qui tantus error fuit, ut perniciosis etiam rebus non modo nomen deorum tribueretur, sed etiam sacra constituerentur. Febris enim fanum in Palatio, et Orbonae ad aedem Larum et aram Malae Fortunae Esquiliis consecratam videmus.

[2]) Plinius N. H. II, 7, 15—16: numina... innumerabilia invenimus, inferis quoque in genera discriptis, morbisque et multis etiam pestibus, dum esse placatas trepido metu cupimus. ideoque etiam publice Febris fanum in Palatio dicatum est, Orbonae ad aedem Larum et ara Malae Fortunae Esquiliis.

[3]) Aelian. Var. Hist. XII, 11: Ῥωμαῖοι ὑπὸ τῷ λόφῳ τῷ Παλλαντίῳ Πυρετοῦ καὶ νεὼν καὶ βωμὸν ἱδρύσαντο.

[4]) Seneca, Ludus de morte Claudii 6, 1: Febris... fano suo relicto sola cum illo [Claudio] venerat [на небо].

[5]) Minucii Felicis Octavius (ed. Baehrens) 25, 8: Cloacinam Tatius et invenit et coluit; Pavorem Hostilius atque Pallorem; mox a nescio quo Febris dedicata: haec alumna urbis istius superstitio, morbi et malae valetudines.

[6]) Augustin. De civitate Dei III, 25 (ed. Dombart): Romae etiam Febri, sicut Saluti templum constitutum.—Нѣсколько дальше Августинъ говоритъ объ antiqua fana, которыя были сооружены Римлянами богинямъ Febris и Bellona, и указываетъ при этомъ, что они существовали уже задолго до храма Конкордіи, то есть до 367 г. до р. Хр.—И въ другихъ еще мѣстахъ (De civ. Dei II, 14; III, 12; IV, 15; IV, 23, а также Epist. I, 17 2 (изд. Migne); Enarr. in Psalmum CIV, 11 и De consensu Evang. I, 18) Августинъ свидѣтельствуетъ о культѣ, которымъ Римляне почитали Лихорадку.—Ср. также Lactant. I (De falsa rel.), c. 20, гдѣ онъ говоритъ о суевѣрныхъ язычникахъ: mala sua pro Diis habent, ut Romani Robiginem ac Febrem,—Подобнымъ образомъ выражается также христіанскій поэтъ IV вѣка Aurelius Prudentius Clemens въ своей поэмѣ Hamartigenia (ed. Dressel), v. 155—158:

Qui mala principio genuit, Deus esse putatur,
quique bona infecit vitiis et candida nigris:
par furor illorum, quos tradit fama dicatis
consecrasse deas Febrem Scabiemque sacellis.

Присціанъ [1]), на сколько это можно видѣть изъ ихъ словъ, только и упоминаютъ объ одномъ этомъ капищѣ богини, и что алтарь, находившійся при немъ, называется Цицерономъ „ara vetusta". Къ тому же на Палатинскомъ холмѣ возникло древнѣйшее римское поселеніе (Roma quadrata), а вслѣдствіе близости находившихся тогда и на форумѣ, и на Велабрѣ и въ долинѣ цирка болотистыхъ мѣстъ, которыя несомнѣнно способствовали произведенію тамъ лихорадки [2]), древнѣйшіе обитатели Палатина, благодаря ихъ суевѣрію, очевидно уже весьма рано должны были обоготворить эту лихорадку и, съ цѣлью умилостивленія ея, соорудить ей алтарь и капище на обитаемомъ ими холмѣ, вѣроятно на сѣверо-западной или западной сторонѣ его, вблизи упомянутыхъ болотистыхъ мѣстъ. Только позднѣе, вѣроятно, а именно по возникновеніи поселеній на Квириналѣ и на Эсквилинѣ. богинѣ Лихорадкѣ сооружены были капища и на этихъ холмахъ. И здѣсь, по видимому, причину такого культа мы должны искать въ дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ, которыя представлялъ воздухъ этихъ холмовъ, возвышавшихся надъ сырыми долинами. Такое предположеніе подкрѣпляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Квириналъ и Эсквилинъ въ древности служили какъ бы центромъ

---

[1]) Theodori Prisciani lib. IV ad Eusebium filium de physica scientia (въ Medici ant. Lat., ed. Aldina, Venet. 1547, fol. 310v): Pythagoras Aegyptiae scientiae gravis auctor, scribit singula nostri corporis membra caelestes sibi potestates vindicasse. Unde fit, ut aut contrariis, quibus vincuntur, aut propriis, quibus placantur [mederi] conemur. Hinc est, quod Romani Febri aedem statuerunt et quod Quartanas Saturni filias affirmavit antiquitas. In quarum curatione Democritus inquit pollutione opus esse, ut sunt caedes et culpae et menstrua mulieris et sacrarum avium vel vetitorum animalium carnes cibo datae et sanguinis potus.

[2]) Если поэтому Солинъ (I, 14 ed. Mommsen) разказываетъ, что древнѣйшіе обитатели Палатинскаго холма, такъ называемые Аборигены, должны были покинуть это мѣсто въ виду того, что болото, находившееся по его близости, дѣлало его вреднымъ для здоровья (Palatium nemo dubitaverit quin Arcadas habuerit auctores, a quibus primum Pallanteum oppidum conditum: quod aliquamdiu Aborigines habitarunt, propter incommodum vicinae paludis, quam praeterfluens Tiberis fecerat, profecti Reate postmodum reliquerunt), то не можетъ подлежать сомнѣнію, что это извѣстіе, хотя оно, конечно, лишено исторической достовѣрности, — согласно Варрону (ср. Dionys. Hal. I, 9; 72; II, 2. Festus p. 321 (a), 18 sqq. M и Servius ad Aen. I, 6 и XI, 317), Аборигены поселились на Палатинѣ послѣ того, какъ покинули свои первоначальныя мѣстожительства въ Сабинской области,—но тѣмъ не менѣе содержитъ въ себѣ внутреннюю правду, то есть вполнѣ согласную съ древнѣйшей традиціей и съ дѣйствительностью мотивировку, указывающую на издавна нездоровый характеръ римской мѣстности.

такихъ культовъ, которые имѣли какое нибудь отношеніе къ жизни и здоровью римскихъ жителей, и что, напримѣръ, на Квириналѣ помѣщался храмъ богини „Исцѣленія“ (Salus) [1]), а на Эсквилинѣ роща и капище богини вредныхъ, въ особенности сѣрныхъ, испареній земли (Mefitis) [2]), алтарь „злаго рока“ (Mala Fortuna) [3]), роща богини мертвыхъ тѣлъ (Libitina) [4]), храмъ Минервы Врачебной (Minerva medica) [5]) и др. — Говоря о капищахъ богини Лихорадки, помѣщавшихся на Квириналѣ и Эсквилинѣ, а также на Палатинѣ, Валерій Максимъ сообщаетъ и о томъ интересномъ фактѣ, что въ этихъ капищахъ Римляне, заболѣвавшіе лихорадкой, приносили богинѣ въ даръ всѣ тѣ remedia (врачебныя средства), то есть амулеты, которые они во время болѣзни носили на своемъ тѣлѣ [6]).

---

[1]) Этотъ храмъ, который упоминается еще въ Notitia urbis (Regio VI), сооруженъ былъ (по Ливію IX, 43, 25 и X, 1, 9) въ 302 г. до р. Хр. Но, очевидно, и до сооруженія его Salus имѣла уже святилище на Квиринатѣ, такъ какъ по немъ прозваны были не только составлявшій часть Квиринала collis Salutaris, но и находившіяся тамъ ворота городскихъ „Сервіевыхъ“ стѣнъ, porta Salutaris. Ср. Becker, Handb. d. röm. Alt. I, 578 и Richter, Top. v. Rom (въ Handb. d. class. Alt. III, p. 906.

[2]) Varro de ling. Lat. V. 49: Exquiliae—lucus Mefitis.—По Фесту (p. 351 (a), 3 Müll.) эта роща находилась на сѣверномъ возвышеніи Эсквилина (Cispius): in qua regione est aedes Mefitis.

[3]) Cicero De nat. deor. III, 25, 63, De leg. II, 11, 28.—Plinius N, H. II, 7, 1 (см. прим. 1 и 2 на стр. 100).

[4]) Краткія упоминанія объ этой рощѣ и о значеніи Либитины, встрѣчающіяся у древнихъ писателей (Dion. Hal. IV, 15. Plut. Quaest. Rom. 23; Numa 12. Asconius in Milonianam (ed. Kiessl. et Schoell, p. 29, 9). Livius XL, 19, 3; XLI. 21, 6. Sueton. Nero 39. Horat. carm. III, 30, 7; sat. II, 6, 19. Martial. X, 97) не позволяютъ намъ, съ точностью опредѣлить ея мѣстоположеніе; но врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что она находилась вблизи отъ большихъ кладбищъ Эсквилинскаго поля (Campus Esquilinus). Предположеніе Гильберта (Gesch. u. Top. d. St. Rom im Alt. I, 176), что lucus Libitinae находился или на южномъ возвышеніи Эсквилина, то есть на Оппіѣ, или же въ долинѣ, которая раздѣляетъ Эсквилинъ отъ Целія, не основано ни на какихъ доказательныхъ данныхъ.

[5]) Notitia urbis: Regio V Esquiliae continet... Minervam medicam. Остатки этого храма, съ многочисленными статуетками и изображеніями различныхъ частей тѣла, принесенными богинѣ по обѣту, и съ одной архаической надписью—me |N||RVA DONO D|| |det.—доказывающей глубокую старину храма, недавно были найдены между via Macchiavelli и via Buonarotti. Cp. Bull. d. comm, arch. comm. di Roma XV (1887), 154 sqq; 166 sqq; 192 sqq; 340 sqq. Notizie d. scavi di antichità 1887, p. 179 sq; 446. 1888, p. 133.

[6]) Свидѣтельствующія объ этомъ обычаѣ слова Валерія Максима, приведенныя мною выше, совсѣмъ превратно истолковываются De Matthaeis'омъ

Приведенныя мною до сихъ поръ свидѣтельства доказываютъ эндемическій характеръ существовавшей какъ въ императорскомъ, такъ и въ древнѣйшемъ и республиканскомъ Римѣ маларійной лихорадки. Но уже a priori можно предполагать, что, благодаря разнымъ пре-

(l. l. p. 454) въ томъ смыслѣ, что заболѣвавшіе лихорадкою Римляне, послѣ своего выздоровленія, будто бы жертвовали въ храмъ Лихорадки мѣдныя или мраморныя таблицы „съ описаніемъ (deferebantur) тѣхъ, большею частью, внутреннихъ лѣкарствъ", которыя они принимали во время болѣзни, и благодаря которымъ они выздоровѣли. — Хотя это толкованіе и ссылается на дѣйствительно существовавшій у древнихъ грековъ и Римлянъ обычай (ср. Plinius, N, H. XXIX, 1, 4) выставлять въ храмахъ Эскулапа (а, можетъ быть, и нѣкоторыхъ другихъ божествъ) дощечки съ описаніями болѣзней и употребленныхъ противъ нихъ средствъ, но оно невѣрно по отношенію къ самымъ словамъ Валерія Максима, потому что подъ remedia. quae aegrorum corporibus adnexa fuerant, согласно значенію слова adnexa, могутъ подразумѣваться только наружныя средства, а именно амулеты, которые носились на тѣлѣ (и въ особенности на шеѣ), какъ это вдобавокъ совершенно ясно доказывается и приведенными мною уже выше словами Элія Спарціана (Anton. Carac. 5, 7): damnati sunt... qui remedia quartanis tertianisque *collo adnexa gestarunt*, и свидѣтельствомъ Плинія (N. H. XXX, 11, 98) о томъ, что привязываніе къ тѣлу, а именно къ шеѣ или къ рукамъ (въ особенности къ лѣвой) или къ волосамъ, различныхъ предметовъ, которымъ суевѣріе людей приписывало магическое и чудотворное дѣйствіе, въ древности считалось однимъ изъ лучшихъ средствъ противъ маларійныхъ лихорадокъ (quartanae, tertianae и др.). Въ числѣ такихъ предметовъ Плініемъ упоминаются слѣдующіе: калъ кошки съ когтемъ филина (N, H. 28, 16, 228), сердце зайца (28, 16, 229), наидлиннѣйшій зубъ рѣчной рыбы phagrus (32, 10, 113), лягушки, задушенныя въ маслѣ (32, 10, 114), сердце лягушекъ (ibid), бородавникъ (22, 21, 61), кусокъ гвоздя висѣлицы, завернутый въ шерсть (28, 4, 46), веревка висѣлицы (ibid.), волосы верблюжьяго хвоста (28, 8, 91), сердце хамелеона, завернутое въ черную шерсть первой стрижки (28, 8, 114), сердце крокодила, завернутое въ шерсть черной первороженной овцы (28, 8, 111), глаза рѣчныхъ раковъ (32, 10, 115), позвонокъ окуня (32, 10, 116) и тому подобные.

Къ сожалѣнію, въ Римѣ до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, еще не было найдено надписи, имѣющей какое нибудь отношеніе къ мѣстнымъ лихорадкамъ и къ культу богинь этихъ лихорадокъ (Febris и Quartanae, а также Tertianae).— Упомянутая De Matthaeis'омъ (l, l. p. 445) надпись, найденная „ad sacellum Ostrohiense in Transilvania", Gruter: Inscr. ant. p. 97, 1): Febri divae Febri | sanctae Febri magnae Camilla Amata pro | filio male affecto p., оказывается подложной (см. C. I. L. III, p. 10*, lit. 76*). За то не можетъ быть сомнѣнія въ неподдѣльности другой надписи, которая была найдена въ Нимѣ (во Франціи) и гласитъ (C. I. L. XII, 3129): Quartanae | votum red | det. libens | merito | Byrria. Severilla. Она служитъ хорошей иллюстраціей къ словамъ Ювенала (4, 57) „quartanam sperantibus aegris" и къ другимъ свидѣтельствамъ древнихъ (приведеннымъ выше) о томъ, что четырехдневная перемежающаяся лихорадка считалась

ходящимъ причинамъ, эндемическая лихорадка въ древнемъ Римѣ иногда чрезвычайно усиливалась и тогда уже выступала въ формѣ эпидемической болѣзни. Всякому, кто знакомъ съ римской анналистикой, памятны тѣ частыя упоминанія о появлявшихся отъ времени до времени въ древнемъ Римѣ царской и республиканской эпохъ большихъ эпидеміяхъ (pestilentiae), которыя встрѣчаются у Ливія и другихъ историковъ, посредственно или непосредственно заимствовавшихъ такого рода свѣдѣнія въ особенности у „Большой Лѣтописи" понтификовъ [1]). Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдова-

---

самой легкой формой маларійной болѣзни.—Такъ же неподдѣльна слѣдующая надпись, которая была найдена въ древнемъ Habitancium (въ Англіи) и относится къ культу богини трехдневной перемежающейся лихорадки (C. I. L. VII, 999): Deae Ter | tianae sacrum Ael | Timothea... P | vslIm.

[1]) Хроника этихъ Эпидемій (pestilentiae, λοιμοι), свирѣпствовавшихъ въ Римѣ съ древнѣйшихъ временъ до конца республики, слѣдующая (ср. Jordan Topogr. I, 1, 450 сл., прим. 47, гдѣ однако, пропущено нѣсколько эпидемій):

При Ромулѣ . . . . Dionys. Hal, II, 54. Plutarch. Rom. 24.
При Нумѣ . . . Plutarch. Numa 18.
Въ концѣ царствованія Тулла Гостилія . . . . . Livius. I, 31, 5. Ср. Dion. Hal. III, 36.
При Тарквиніѣ Гордомъ . . . . Dion. Hal. IV, 69.
492 г. до Р. Хр. . . . Dionys. VII, 12. Orosius II, 5, 6 ed. Zangem. (ср. Livius II, 34, 2 и 6).
490 „ „ „ . . . Dionys. VII, 68.
472 „ „ „ . . . Dionys. IX, 40 и 42.
467 „ „ „ . . . Livius III, 2, 1 sq. Dionys. IX, 60. Orosius II. 12, 4.
463—462 „ „ „ . . . Liv. III, 6, 2—8; 7, 6—8; 8, 1. Dionys IX, 67 и 69. Oros. II, 12, 2—3.
453—452 „ „ „ . . . Liv. III, 32, 2 и 4. Dionys. X, 53 sq. Augustin. De civ. Dei III, 17. Oros. II, 13, 1.
436—433 „ „ „ . . . Liv. IV, 21, 2 и 5; 21, 6; 25, 3 sq.; 5. 6 и 26, 5.
428 „ „ „ . . . Liv. IV, 30, 8 sq. Dionys Hal. Exc. ex lib. XII, 6 (8).
412 „ „ „ . . . Liv IV, 52, 2 sq. и 8.
400 „ „ „ . . . Liv. V, 13, 4 и 14, 3. Dion. Hal. Exc. ex lib. XII 9(9).
392 „ „ „ . . . Liv. 31. 5; 7; 9. Dion. Hal. Exc. ex lib. XIII, 4(4),
390 „ „ „ . . . Liv. V, 48, 1 sqq. Oros. II, 19, 8.
384—383 до Р. Хр. . . . Liv. IV. 20, 15; 21 1 и 6.
365—364 „ „ „ . . . Liv. VII, 1, 7 sp; 2, 1—3; 3, 1—4. Plutarch, Camillus, 43. Augustin. l. c. Oros. III, 4, 1—6.
348 „ „ „ . . . Liv. VII, 27, 1.
334 „ „ „ . . . Liv. VIII, 17, 4.

тели исторіи медицины [1]) хотѣли отождествить эти эпидеміи или съ свирѣпствовавшей, въ особенности въ средніе вѣка, желвачной заразой или съ оспою. Но эти мнѣнія не имѣютъ никакихъ основаній. Данныя древними историками описанія тѣхъ эпидемій, которыя свирѣпствовали по временамъ въ Римѣ царской эпохи, слишкомъ поверхностны, неполны и неясны, чтобы мы могли съ увѣренностью или даже только съ правдоподобностью рѣшить вопросъ о томъ, какого рода болѣзнь или болѣзни въ томъ или другомъ случаѣ появились съ эпидимическимъ характеромъ [2]). Только въ описаніи одной эпидеміи, а именно той, которая свирѣпствовала въ

---

331 „ „ „ . . . Liv. VIII, 18, 1—4; 22, 7. Augustin. l. c. Oros. III. 10, 1—3. Cp. Val. Max. II, 5, 3.
313 „ „ „ . . . Liv. IX, 28, 6.
295 „ „ „ . . . Liv. X, 31, 8. Oros. III, 21, 7—8.
293 „ „ „ . . . Liv. X, 47, 6 sq. и periocha libri XI. Aur. Vict. De vir. ill. 22. Augustin. l. c. Oros III, 22, 4—5.
276 „ „ „ . . . Augustin l. c. Oros. IV, 2, 1—2.
274—273 (272) „ . . . Augustin l. c. Oros. IV, 5, 6—8.
208 „ „ „ . . . Liv. XXVII, 23, 6 sq.
187 „ „ „ . . . Liv. XXXVIII, 44, 7.
182—180 „ „ „ . . . Liv. XL, 19, 3—7; 26, 5; 36, 14; 37. 1 sqq.; 42, 6. Iul. Obseq. 6 ed. Iahn.
174 „ „ „ . . . Liv. XLI, 21, 5—11; XLII, 2, 7. Iul Obseq. 10.
165 „ „ „ . . . Iul. Obseq. 13.
142 „ „ „ . . . Oros. V, 48, 8—10. Iul. Obseq. 22.
87 „ „ „ . . . Vell. Paterc. II, 21, 4. Oros. V, 19, 18. (Cp. Iul. Obse.q 56).

Объ эпидеміяхъ, свирѣпствовавшихъ въ Римѣ въ теченіе 5-го столѣтія до Р. Хр., подробно трактуетъ Seibel въ программѣ: Die EpidemienPeriode des 5. Jahrh. v. Chr. u. die gleichz. ungew. Natur-Ereignisse. Mit bes. Berücks. der Attischen Pest (Döllingen. 1869). Какъ ни тщательно, однако, составлена эта программа, мнѣніе Зейбеля, что всѣ эти эпидеміи, и въ особенности эпидеміи 436—433 и 428 гг., по своему характеру были болѣе или менѣе тождественны съ аттической эпидеміей 430—425 г. (ср. также Niebuhr, Röm. Gesch. II[3], 573 и Haeser, Lehrb. d. Gesch. d. Medicin III[3], 6), кажется мнѣ не только не основаннымъ на убѣдительныхъ доказательствахъ, но отчасти даже мало вѣроятнымъ. Объ эпидеміяхъ, свирѣпствовавшихъ въ Римѣ въ императорскую эпоху, ср. въ особенности Friedländer, Darstell. aus d. Sittengesch. Roms I[6], 39 sqq. и Haeser, l. c. III[3], 24—53.

[1]) Какъ Schnurrer, Hecker и другіе—ср. Schwegler, Röm. Gesch. II, 617 sqq. и Iordan, Topogr. I, 1, 151, прим. 48.

[2]) Такъ судитъ и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи медицины, Haeser, въ Lehrb. der Gesch. der Medicin u. der epid. Krankheiten III[3], 3 sq.

Римѣ въ 174 г. до Р. Хр., у Ливія [1]) есть болѣе опредѣленный намекъ на ходъ и характеръ этой болѣзни. Заболѣвавшіе ею люди, говоритъ онъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ выздоравливали и большею частью умирали не позже седьмаго дня; а тѣ, которые переносили кризисъ, вслѣдъ затѣмъ продолжали еще долго болѣть и въ особенности страдать четырехдневной перемежающейся лихорадкой. Врачи, къ которымъ я обратился за разъясненіемъ этого мѣста Ливія, единогласно сообщили мнѣ, что въ описанной такимъ образомъ эпидемической болѣзни вѣроятнѣе всего слѣдуетъ усмотрѣть непрерывную маларійную лихорадку (febris continua), которая или ведетъ къ скорой смерти или влечетъ за собою перемежающуюся лихорадку [2]). Если такое объясненіе свирѣпствовавшей въ 174 до Р. Хр. эпидеміи вѣрно, то, по моему мнѣнію, нельзя отрицать возможности того, что и въ числѣ остальныхъ эпидемій, которыя по временамъ появлялись въ Римѣ, и въ особенности тѣхъ, которыя упоминаются въ исторіи города царской и республиканской эпохъ, нѣкоторыя могли быть вызваны усиливавшейся, вслѣдствіе особыхъ преходящихъ причинъ, маларійною лихорадкою [3]), которая, какъ мы видѣли, во

---

[1]) Livius XLI, 21,5: pestilentia, quae priore anno in boves ingruerat, eo (то-есть въ 174 до Р. Хр.) verterat in hominum morbos. qui inciderant, hand facile septimum diem superabant; qui superaverant, longinquo, maximo quartanae, implicabantur morbo.

[2]) Такое же мнѣніе высказалъ уже профессоръ Naunyn на запросъ Jordan'a (Topogr. d. Rom. I, 1, 151, прим. 48). Подтвержденіемъ ему служитъ, по моему, еще то обстоятельство, что подобно тому, какъ во время эпидеміи 174 г. больные могли считать себя спасенными, коль скоро ихъ болѣзнь переходила въ четырехдневную перемежающуюся лихорадку, такъ, по свидѣтельству Ювенала (4, 56 sq.: iam letifero cedente pruinis Autumno, iam quartanam sperantibus aegris), если вообще „въ смертоносную осеннюю пору" римляне заболѣвали маларійной лихорадкой, а именно самой опасной изъ ея формъ, то-есть, безъ сомнѣнія, непрерывной лихорадкой (febris continua), то вся надежда больныхъ на выздоровленіе основывалась на томъ, чтобы эта опасная лихорадка у нихъ переходила въ четырехдневную перемежающуюся лихорадку, считавшуюся, какъ мы видѣли выше, самой легкой формой маларійной болѣзни.

[3]) Сравни также то, что мы выше замѣтили по поводу эпидеміи 731—732 23 и 22 гг. и по поводу приведенной Фестомъ молитвы, которую древніе римляне произносили при люстраціи полей, и въ которой они просили боговъ избавлять ихъ какъ отъ другихъ золъ, такъ и отъ pesestas—pestilentia. Если Chr. G. Heyne въ своей статьѣ De febribus epidemicis Romae falso in pestium censum relatis (въ Opusc. acad., Gott. 1788, vol. III, 108—126) повидимому, клонится къ мнѣнію, что всѣ рим-

всѣ времена древняго Рима существовала въ немъ, въ видѣ эндемической болѣзни.

скія pestilentiae не только царской и республиканской эпохъ, но и первыхъ временъ имперіи, были эпидеміи маларійной лихорадки, то такое мнѣніе, конечно, не только не основательно, но даже крайне невѣроятно. Въ заключеніе я не могу не упомянуть здѣсь о предположеніи Tommasi-Crudeli (Il clima di Roma (Roma, 1886), p. 57 sq.), что многіе изъ разказанныхъ древними историками случаевъ скоропостижной смерти римскихъ гражданъ, которые имѣли загадочный или даже подозрительный характеръ, произошли не вслѣдствіе отравленія этихъ гражданъ ядомъ, какъ ихъ современники склонны были полагать, но вслѣдствіе заболѣванія ихъ опаснѣйшею формою маларійной лихорадки, такъ-называемою perniciosa. Это предположеніе, для подкрѣпленія котораго Томмази-Круделли приводитъ нѣсколько аналогическихъ случаевъ изъ новѣйшей исторіи Рима и другихъ мѣстностей Италіи, по моему мнѣнію, имѣетъ наибольшую правдоподобность по отношенію къ тѣмъ изъ упомянутыхъ древними писателями случаевъ мнимаго умерщвленія ядомъ, которые одновременно и на подобіе повальной болѣзни постигли многихъ жителей Рима и его окрестностей, какъ напримѣръ въ 331 г. до р. Хр. Въ этомъ году, какъ разсказываетъ Ливій (VIII 18,4—11. Ср. Valer Max. II, 5, 3. Oros. III, 10 и др.), масса именитыхъ гражданъ Рима стала умирать отъ болѣзней, симптомы и исходъ которыхъ у всѣхъ были почти одинаковы. Тогда какая-то служанка донесла властямъ, что виновницы этого бѣдствія—римскія матроны, занимавшіяся дескать приготовленіемъ яда. При внезапномъ обыскѣ, который послѣ этого донесенія былъ произведенъ во многихъ домахъ, застали около 20 матронъ при вареніи какихъ-то медикаментовъ. Всѣ онѣ были арестованы, а потомъ, когда заявляли, что эти медикаменты цѣлебны, принуждены были сами выпить ихъ. Послѣдовавшая отъ этого смерть ихъ побудила властей арестовать еще другихъ матронъ, на которыхъ было донесено, и осудить изъ нихъ около 170.—Эта исторія, которую Ливій почерпнулъ изъ нѣсколькихъ хроникъ, страдаетъ столь большой невѣроятностью, что нашъ авторъ самъ выражаетъ сомнѣніе въ ея правдивости, предпосылая ей слѣдующее замѣчаніе (VIII, 18, 1): Foedus insequens annus (331 г. до р. Хр.) *seu intemperie caeli* seu humana fraude fuit (§ 2) illud pervelim—*nec omnes auctores sunt—proditum falso esse*, venenis absumptos, quorum mors infamem annum pestilentia fecerit.—И дѣйствительно, если мы притомъ вспомнимъ, насколько простой народъ, даже въ наше цивилизованное время склоненъ къ тому, чтобы эпидемическія болѣзни приписывать дѣйствію яда, то мы не можемъ не прійти къ убѣжденію, что направленное въ 331 г. противъ римскихъ матронъ обвиненіе въ отравленіи ихъ мужей было лишено основательности, и что смерть этихъ послѣднихъ послѣдовала не отъ яда, а отъ какой-то эндемической болѣзни, и вѣроятнѣе всего отъ самой страшной формы римской лихорадки, такъ-называемой perniciosa. Такую же суевѣрную легкомысленность со стороны жителей и властей Рима, какая, по видимому, вызвала только что разказанные процессы 331 г., мы по всей вѣроятности должны предположить и въ процессахъ 180 г. до Р. Хр., о которыхъ Ливій (XL. 37, 4—7) и разказываетъ слѣдующее: Въ этомъ году, когда эпидемія, которая уже за два года до того появилась въ Римѣ

и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи (ср. XL 36, 14) достигала наибольшей силы своей и похищала массу людей всѣхъ сословій, опять возникло подозрѣніе, что виновниками этого бѣдствія являлись злоумышленники-отравители. И вотъ постановленіемъ сената двумъ преторамъ, Г. Клавдію и Г. Мэнію, была поручена quaestio veneficii съ тѣмъ, чтобы первый изъ нихъ нарядилъ слѣдствіе о тѣхъ случаяхъ отравленія, которые де произошли въ Римѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ (in urbe propiusve urbem decem milibus), а второй о тѣхъ, которые произошли въ мѣстечкахъ и городишкахъ, отстоявшихъ болѣе 10-и миль отъ Рима (ultra decimum lapidem per fora conciliabulaque). Въ столицѣ наиболѣе подозрительной явилась смерть консула Калпурнія. Говорили, что его отравила его жена, Кварта Гостилія. Это подозрѣніе сдѣлалось еще сильнѣе, когда сынъ Гостиліи отъ перваго мужа, Кв. Фульвій Флаккъ, былъ избранъ въ консулы на мѣсто его умершаго отчима, и когда выступили свидѣтели, которые говорили, что Гостилія предсказала это своему сыну еще до смерти Калпурнія. Это свидѣтельское показаніе, вмѣстѣ съ другими показаніями, относившимися къ дѣлу, сдѣлало то, что Гостилія была осуждена. Еще энергичнѣе, чѣмъ преторъ Клавдій въ Римѣ, дѣйствовалъ Мэній внѣ столичнаго округа. Къ концу года, какъ разказываетъ Ливій (XL, 43 2 sq.), онъ увѣдомилъ сенатъ о томъ, что онъ осудилъ уже 3000 лицъ и что, благодаря новымъ показаніямъ, это число должно увеличиться. Мнѣ кажется невозможнымъ повѣрить, чтобы всѣ эти осужденія были основательны. И относительно остальныхъ, упомянутыхъ древними писателями, случаевъ загадочной и скоропостижной смерти, которые произошли въ древнемъ Римѣ, якобы вслѣдствіе отравленія,—ср. Rein, Das Criminalrecht der Römer, p. 406 sq. и 429 sqq., гдѣ, однако, далеко не всѣ приведены,—мы едва ли ошибемся, если станемъ утверждать, что сравнительно только немногіе изъ нихъ справедливо приписывались тогда преступному дѣйствію отравителей, большая же часть изъ нихъ послѣдовала не отъ яда, а отъ какой-то (эпидемической или эндемической) болѣзни, какъ, напримѣръ, отъ маларійной лихорадки. Въ особенности интересна въ этомъ отношеніи случившаяся въ 23 г. до Р. Хр. смерть племянника и зятя Августа, Марцелла, смерть, въ которой народъ обвинялъ Ливію, ненавидѣвшую-де Марцелла потому, что онъ пользовался бо̀льшей любовью, чѣмъ ея собственныя дѣти, но которая, по опредѣленному свидѣтельству Кассія Діона (LIII 33, 4), вѣроятнѣе послѣдовала отъ свирѣпствовавшей въ 23 г. (а также въ 22 г.) въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ Италіи эпидеміи. Выше нами было показано, что эта эпидемія, по видимому, была маларійная.

Ѳ. Базинеръ.
